

Влад Костромин

A movie poster featuring a man in a dark, hooded robe. He has a beard and a red mark on his forehead. He is holding a large, ornate, metallic staff or scepter. The background is dark with a faint, glowing spiderweb pattern. The overall tone is mysterious and dramatic.

Непроданное

A decorative flourish or scrollwork element located at the bottom center of the poster.

Влад Костромин

Непроданное

«Издательские решения»

Костромин В.

Непроданное / В. Костромин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967822-5

Матерый реалист Влад Костромин предстает перед читателями с новой, для многих неожиданной стороны. Встречайте: фантастика, мистика, детективы, нуар...

ISBN 978-5-44-967822-5

© Костромин В.
© Издательские решения

Содержание

Кактус	6
Свои огурцы – сочтемся!	12
Черный рассвет	16
Попутчик	32
Странная история (конкурсный вариант)	35
Убить дракона	40
Говори	45
Волк и ягненок	49
Зеркала	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Непроданное

Влад Костромин

Дизайнер обложки Елена Ужегова

© Влад Костромин, 2019

© Елена Ужегова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7822-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Хотелось бы поблагодарить:

- своего соавтора LeoNick;
- литературный портал ЛитКульт <http://litcult.ru>;
- клуб начинающих писателей «Бумажный слон» <http://litclubbs.ru>;
- «Квазар» <https://kvazar-fant.ru>
- Елену Ужегову за безвозмездно (то есть даром) сделанную обложку к сборнику;
- литературный портал «Табулатура» <http://nefabula.art>

Кактус

Рассказ был опубликован в журнале «Домашняя лаборатория» №04/2018

Колпино.

5 месяцев до...

«Банки памяти – главный двигатель экономики в нашем постиндустриальном мире. Прямая передача памяти от предков к потомкам создаст неразрывную связь поколений.

Монетизация памяти есть важнейший шаг России по пути к мировой финансовой гегемонии.»

Герман Оскарович Грех – прямая линия по случаю открытия главного Сбербанка памяти. 18 марта 2024 года.

Перед банком стояли три старушки с самодельными плакатами: «Руки прочь от памяти!», «Память есть частное достояние» и «Скоро вы и нашу смерть монетизируете, либералы!» Обогнув их, Алексей вошел в просторный офис банка, освещенный, будто предновогодняя витрина. Мужчина замялся перед громадным аппаратом «электронной очереди», не зная, какую кнопку нажать на экране.

– Вам помочь? – лучась зелеными глазами, спросила симпатичная девушка с бейджиком «Карина» – улыбающееся длинноногое дополнение к аппарату.

– Знаете ли... – замялся Алексей, – такое дело...

– Не стесняйтесь, – улыбка стала еще шире, – сюда все по делу приходят.

– Я бы хотел взять кредит...

– Нажмите кнопку «Кредиты».

– Дело в том, что я хочу взять кредит под память...

– Там есть кнопка «The monetization of memories», – посерьезнела Карина. – Нажмите ее. Так Алексей получил заветный талончик с номером ММ001.

– Пройдите в VIP-зону, там вас встретит персональный менеджер, – продолжила щебетать девушка

Алексей послушно потопал в указанном направлении. Вслед неодобрительно шептались бабушки, пришедшие оплатить «коммуналку» и положить на сохранение «гробовые». Открыл прозрачную стеклянную дверь, вошел в кабинет. Навстречу бросился сотрудник в строгом костюме и белой рубашке. Облик надежного профессионала нарушал только скомканный галстук, с любопытством подглядывающий из кармана.

– Здравствуйте, очень рад, очень! – энергично потряс руку Алексея. – Александр.

– Алексей.

– Решили прикупить память?

– Нет...

– Продать?

– Нет, не продавать. Я хочу кредит взять под память.

– Отличная идея, – радостно потер руки Александр. – Великолепная просто идея! Рад, что вы по достоинству оценили столь уникальное предложение нашего банка. Может быть, немного кофе?

– Знаете, пожалуй, можно.

– Вам какой?

– Черный, без сахара.

– Сарочка, нам два черных, без сахара, – нажав на телефоне кнопку, распорядился Александр. – Так на какую сумму вы рассчитываете?

– ГАЗель хочу купить.

– Сейчас, минуточку, – Александр упал в кожаное кресло и с пулеметной скоростью застучал по клавишам ноутбука. – ГАЗель, так, так, так... Новую?

– Да. Фургон.

– Фургон? Отлично, отлично, чудесный выбор. Тысяч девятьсот?

– Восемьсот пятьдесят – мне в минимальной комплектации.

– Зачем же себя ограничивать? – оторвался от монитора и искренне, словно любящий пес, взглянул в глаза Алексея. – VIP-клиенты «Сбербанка» достойны самого лучшего! Признаться, я и сам не прочь погонять. Меня даже называли в определенных кругах «Тающим ветром», если вы понимаете, про что я, – хитро подмигнул.

Очередная миловидная девушка внесла поднос с двумя чашечками кофе, грациозно, будто глина в руках скульптора, изогнувшись, поставила сервиз на стол и упорхнула.

– Пейте кофе. Может быть, капельку коньяка? – снова заговорщицки подмигнул он. – Для аромата?

– Можно, – совсем засмутился Алексей, – но если только по чуть-чуть, для аромата.

– Желание клиента для нас закон! – достал из стола два пластиковых стаканчика, пузатую бутылку коньяка и распотрошенную шоколадку. Наполнил стаканчики, брезгливо отодвинув в сторону элегантный поднос:

– За ваш кредит!

Выпили.

– А как все это работает? – спросил Алексей, заметно расслабившийся после коньяка.

– Технические подробности малоинтересны непрофессионалу, – махнул рукой Александр, вновь наполняя стаканы, – все эти облачные хранилища, нейрошунты, наноскопы, MOR-хосты, объемное сканирование памяти...

– Можно как-то попроще?

– Объясню проще: ученые, копаясь в своих нанотехнологиях, совершенно случайно открыли возможность переноса воспоминаний. Что-то там связанное с квантами и прочими протонами. Банк выкупил технологию и протянул через Госдуму закон о монетизации памяти, так называемый «The monetization of memories». Теперь любой совершеннолетний гражданин может продать память, обменять, взять под залог памяти деньги и даже положить память на сохранение на депозит.

– Поразительно!

– И не говорите, – кивнул Александр. – Бум по всей стране просто необычайный. Жаль только, что в вашем замшелом Колпино никто не спешит воспользоваться этой чудесной технологией, а даже наоборот, – он неодобрительно кивнул в сторону окна. На подоконнике стоял большой кактус в шляпе, а за двойным стеклопакетом старушки уныло держали плакаты. – Вы первый человек, который решил воспользоваться данной услугой в нашем отделении.

– И вы просто так готовы дать мне девятьсот тысяч?

– Почему же просто так? Сначала вы заполните кучу анкет, пройдете тесты. Наши специалисты по своим методикам оценят потенциальную стоимость вашей памяти. На основании этого будет рассчитана стоимость ваших воспоминаний и необходимый для кредитного обеспечения портфель. Вы пройдете процедуру извлечения воспоминаний, получите деньги и все.

– И все? А если я не смогу выкупить память обратно? Что с ней станет потом?

– Печально, конечно, – развел руками Александр, – но такова жизнь. Ваши воспоминания достанутся тому, кто их купит.

– А как-же Федеральный закон РФ от 27 июля 2006 года №152-ФЗ «О персональных данных»?

– Отличный вопрос! – похлопал в ладоши. – В полном соответствии с данным законом все, что представляет собой персональные данные, из воспоминаний удаляется. А также все, что попадает под определение военная, коммерческая и государственная тайна.

– То есть, если я, например, – наморщил лоб, – знаю код от сейфа, то эти воспоминания будут удалены?

– Бесспорно!

– Но тот человек, который их будет удалять, он же их узнает?

– Ни в коем разе – процесс целиком и полностью автоматизирован и находится под контролем сверхмощного компьютера. Все алгоритмы криптографической защиты воспоминаний проверены и надежны, имеют сертификат ФСБ...

– Понятно. А что, кто-то покупает чужие воспоминания?

– Полно желающих! Очередь расписана уже на двадцать лет вперед. Ходят слухи, – он будто заговорщик понизил голос, – что даже существует «черный рынок» воспоминаний, но я в это не верю. Слишком сложный процесс – в гараже такого не сделаешь.

– А если я возьму деньги, а выкупать воспоминания не стану?

– Представьте, что в вашей жизни больше нет ни нежных рук матери, ни первой сигареты за углом школы, ни первого поцелуя с одноклассницей... Вам понравится такая жизнь?

– Я с одноклассницами не целовался...

– Да? Вы случайно не этот самый, не поймите меня неправильно... – подмигнул.

– В смысле?

– Вы не гей?

– Нет. А что, геям не дают кредиты?

– Наоборот, – Александр скорчил скабресную гримасу, – память геев ценится выше. Как и наркоманов, алкоголиков, бывших заключенных и так далее.

– Неужели, кому-то нужна такая мерзость?

– Вы даже не поверите, сколько правильные и примерные люди готовы заплатить за такие воспоминания. Обычный скучный ботаник или примерный муж, которого пилит жена и теща, никому не интересны, а вот дебошир и бабник... Кстати, что у вас такого особенного?

– Особенного? – задумался Алексей. – Я писатель...

– Писатель? – Александр скептически изогнул бровь.

– Начинаящий, – покраснел. – Типа Самиздата там, Бумажного слона... В «Юный техник» рассказ посылал...

– «Юный техник»? – вновь дробь по клавишам, – это журнал такой? В каком номере была публикация?

– Не взяли...

– Бывает, но не стоит отчаиваться! А еще послали?

– В «Науку и жизнь»...

– Взяли?

– Пока не ответили...

– Знаете, вполне может и прокатить как воспоминания будущего Акунина. Ну-с, приступим? – Александр встал, взял из открытого шкафа цветную папку, протянул Алексею. Подал дорогую ручку, – заполняйте анкету. Ручку можете оставить себе как подарок лично от меня.

Нажал кнопку на телефоне:

– Ярослав, зайди.

В дверь вошел молодой человек приятной наружности в светлом свитере.

– Это Ярослав, наш главный специалист, – отрекомендовал Александр, – он проведет предварительное тестирование на предмет оценки возможной монетизации вашей памяти, а я пока с вами прощаюсь. Удачи! Если что, то заходите даже просто так.

– Спасибо. До свидания, – Алексей шагнул к двери, но остановился и обернулся. – Скажите, а этот кактус?..

– Это мой талисман.

– Кактус?

– Нет.

– Шляпа?

– Нет, кактус в шляпе.

Алексей и Ярослав вышли. Александр нажал кнопку на телефоне:

– Сара, кто у нас есть из корреспондентов?

– Сейчас? Сейчас только Алсу.

– Это та, – почесал щеку, – которая в майке с красной пандой ходит?

– Да.

– А еще кто-нибудь?

– Посмотрю... Есть еще Августа из «Белого вестника», Саша из «Мира травы» и «сладкая парочка» Катя и Даша...

– Пускай все срочно едут сюда. У нас первый клиент на монетизацию памяти! Нужно будет взять интервью.

– Поняла. Вызову.

Александр залпом проглотил оставшийся в стакане коньяк, откинулся на спинку кресла.

– Господи! Первый клиент! А после интервью они валом повалят, косяками пойдут! Спасибо тебе, Господи!

Но голову, привычную ко всему, ни с того ни с сего окутал туман.

Колпино.

1 месяц до...

– Вот и всё, – радостно сообщил Ярослав, снимая с лежащего на кожаной кушетке подопытного мемори-трансформатор – шлем, похожий на тот, что носил злодей Магнето в комиксах. Разве только, что проводков побольше и светодиоды разноцветные мигают. Видимая часть айсберга – остальное оборудование пряталось в шкафах и тумбах. – Наконец-то наш новый клиент. Каково это, Сань, а?

– Что... что случилось? – протер остатки проводящего геля с висков. Посмотрел на неприятного типа в светлом свитере. Бейджик «Сбербанка памяти», Ярослав. Сухо, словно престарелая девственница, мозг выплюнул мысль: «Коллега». Конкурент или подчинённый? Друг, приятель, собутыльник, кидала?.. А, чёрт его знает...

– Санёк, ты совсем не аллё? – глянул с весёлым сочувствием. – Сейчас оклемаешься.

– А ты... а где Алексей? Журналисты? – опять нет эмоций. Странно.

– Говорил тебе, что нельзя так далеко забираться, – проворчал Ярослав, возясь с проводками.

– Вы о чём сейчас?

– Давай уже на «ты», – с непонятной обидой бросил Ярослав. – Я же тебя предупреждал, что какое-то время мышление будет страдать.

– Был... был же Алексей, – непонимающе качал головой Александр.

– Так, пора перестать тебя так часто пользоваться, – нахмурился Ярослав, – на первое время дубляжей хватит.

Дубляжи...

Ах, да, дубляжи...

И запустился период восстановления, прокручивая перед внутренним взглядом картинки.

Поразительно, но додумался до всего именно Ярик – тихий мальчик-нейрофизиолог. Именно он продумал систему восстановления памяти. По сути, что он делал? Сканировал восприятие не полностью – выборочно, по какой-то хитрой схеме, а мозг подопытного по оставшимся «якорям» восстанавливал память заново. И можно было перезаписать ещё, а потом ещё, и ещё...

И продать. Вот для этого нужен был Александр.

Казалось бы, пара печатей, доступ к оборудованию – и клиент за клиентом идут сдавать память через добродушного трудягу-менеджера. Это если смотреть на бумаги. А на деле – один и тот же человек по несколько раз. Но ведь ещё можно продать напрямую, там вообще никакие печати не нужны. Особенно хорошо, если желающие стесняются за таким идти в банк. А такое у Александра тоже было.

– Опять глюки? – понимающе спросил Ярик, привычно протягивая бутылку. Всё же друг. Шумно хлебнув, Александр поморщился.

– Да, ерунда какая-то. Сделку в этот раз заключал, ничего интересного. Переработал, видимо. Что там, в какой раз «счастливое детство» записали?

– В девятнадцатый.

– Хорошо, – Александр поудобнее устроился на кушетке. Картинка потихоньку восстанавливалась, вытесняя недавний рабочий бред. – Как там остальное идёт?

Ярик сверился с записями.

– Скалолазанье не зашло народу, значит, его сдадим в банк под кредит. А вот...

– Нет, – отрезал Александр, сразу поняв, о чём речь. – Больше мы это записывать не будем. Сегодня, по крайней мере.

Помолчали.

– А я тебе говорил, у меня в детстве игрушка была, – зачем-то продолжил Александр, удивляясь себе. – Единственная... Кактус я в шляпе вырастил и таскал с собой. Даже не верю, что было такое...

– А брат? – спросил осторожно, будто на тонкий лед ступая.

– Не было у меня брата!!! – вскинулся. – Не было!!!

– Не было, так не было, – вздохнул. – До открытия ещё часа четыре, ты бы отдохнул, – серьёзно посоветовал Ярик. – А то работы много ещё. То кактусы у него, то драконы белые, – пробормотал в сторону. – Ты поспи лучше, пока восстановительный этап идёт.

«И идёт с каждым разом всё дольше и дольше», – озадаченно подумал нейрофизиолог, подгружая проводки к общему хранилищу и загружая новый memories-файл. – «Надо будет как-нибудь поглядеть, что мы там записали. Но вот это я точно сам смотреть не стану».

Колтино.

...пертурбации...

«Никакого вируса „Кактус“ не существует. Все случаи сбоев в работе финансовых memories-систем являются провокацией зарубежных спецслужб. Процессы передовой разработки находятся под строжайшим контролем, нет никаких поводов для беспокойства...»

Герман Оскарович Грех – выступление перед комитетом Госдумы, 18 июля 2024 года.

Кактус и Алексей стояли посреди серой затуманенной равнины, озаряемой частыми сиреневыми и зелеными всполохами.

– И вот это – хранилище памяти: склад осуществлённых мечт и человеческих пороков? – задумчиво поинтересовался Алексей. – Ради этого он меня угробил?

Иголки Кактуса довольно встопорщились и стали удлиняться, струнами вытягиваясь в сторону вспышек.

– Думал, будет зрелищнее. Ну-ка, посмотрим, что у нас тут...

Колтино.

...6 месяцев после

Серые городские развалины, ветер гоняет обрывки пластиковых пакетов и денежных купюр... Костер из веток засохших парковых деревьев возле разбитой витрины банка.

– Говорила ж, Михайловна, до добра весь этот прогресс не доведет, – поворачивая тушку крысы на вертеле, бывшем когда-то древком плаката, говорила старушка.

– И то верно, Владимировна, память они захотели монетизировать, – согласилась другая, плетущая из проволоки удушающую ловушку. – Буржуи проклятые!..

– Ничо, нас так просто не возьмешь, – третья сноровисто ошипывала ворону, – мы все переживем.

Свои огурцы – сочтемся!

Рассказ написан для конкурса «Черная метка 2018» сайта «Квазар». Вошел в сборник «Черная метка II». <https://kvazar-fant.ru/book/53>

- Мне какие-то уродцы с красными глазами снились, – за завтраком сказала мать, – спотыкались по огороду и жрали огурцы.
- И что? – зевнул отец.
- А то, что у нас кто-то огурцы подворовывает...
- Лица, лица-то рассмотрела? Кто?
- Не знаю, – мать, словно в телевизор, смотрела в чашку, – незнакомые...
- Наркоманы? – брат подкрался к матери и тоже посмотрел в чашку.
- Они надолго замолчали, напряженно рассматривая что-то.
- Что там? – не выдержал отец.
- Вить, глянь, как чаинки плавают. Как узор какой.
- Тьфу на вас, малахольные! Огурцы кто-то жрет, а вы чай рассматриваете, как чукчи!
- А если чукчи воруют? – ухватился за новую идею брат.
- Да, Катя, – покачал головой отец, – надо было аборт делать. Он нас доконает. Сегодня у него чукчи огурцы воруют, а завтра его куры засерут.
- Я их сам засеру!
- Тьфу на тебя, – отец ловко плюнул Коле на макушку. – Иди огурцы сторожи, куросер.

– А может это она? – вдруг испуганно прижала кулак ко рту мать. – Фомячиха? Она колдовством огурцы поганит! – перекрестилась и трижды постучала костяшками пальцев по столешнице.

В деревне была ведьма – бабка Фомячиха. Дети ее страшились, побаивались и взрослые.

– Нужно какие-то меры принять, – глубокомысленно, как увидевший вертолет старый енот, собрал на лбу морщины отец. – Попробуй святой водой огурцы окропить.

Мать побрызгала на грядки святой водой, а утром ослепла корова.

– Дьявол! – громко шептала мать, со слезами глядя на стоявшую в стойле кормилицу. – Батюшку с кадилом надо было звать!

На второй день в жутких мучениях Голубка сдохла.

– Ну что, дождались? Корова сдохла, а ты все «меры принять, меры!» Где твои меры? – завелась мать.

– А всё из-за того, что купили телевизор! Завидуют! Все завидуют! – в сердцах стукнул кулаком по столу отец. – Теперь не наживешь палат каменных!

– Мы и так в долгах как в шелках, а еще корову надо будет покупать.

– Ты присядь, успокойся. Вечером... Виталий, пошли, – сказал отец. – Найди несколько бутылок.

Я принес из старого погреба бутылки.

– Наливаем масло, сверху бензин, втыкаем тряпки, – учил отец, – коктейль Молотова называется. Им финны наши танки жгли.

Когда стемнело, мы помолились.

– Пора, – сказал отец, надевая пробковый шлем, украденный в Москве, не забыв в тысячный раз постучать по нему и сказать: «Пробка. Подарок от друзей из Африки».

– Вить, хватит выделяться! – не выдержала мать. – На серьезное дело идем!

Обвешавшись геранью, которую мать разводила на подоконниках от ведьм, через ночной сад пошли к скромному домику страшной ведьмы. Перед покосившимся плетнем остановились.

– Лапки достаньте, – скомандовала мать, – пускай наружу свисают.

Достали кроличьи лапки, что от сглаза носили на шеях.

– План такой – подпираем дверь, заколачиваем окна. В задней стене окон нет, так что только три боковых.

– Откуда ты знаешь, что сзади нет окон? – подозрительно спросила мать. – Небось, таскался к внучке ее?

– Не сходи с ума! Днем разведку провел и поэтому знаю. Ладно, хватит трепаться: Виталик, Коля – ваше окно слева, Катя – твое правое дальнее, за мной дверь и оставшееся. Пошли!

Тихо подойдя к дому, отец подпер дверь брусом.

Мы подошли к левому окну и, услышав стук отцовского молотка, начали заколачивать окно досками крест-накрест.

– Даже детям понятно, что герои рождаются на войне, – закончив заколачивать окна, рассуждал отец, – вот мы и ведем священную войну с нечистью, – сунул молоток мне в руки, щедро полил из канистры стену, достал спички, чиркнул спичкой о коробок. – Отойди, а то волосы обгорят, – бросил спичку на угол.

Бензин весело полыхнул. Дерево под огнем затрещало.

– Вот оно, окончательное решение, – взяв канистру и поливая другой угол, говорил отец. Еще одна спичка и еще один угол занимается пламенем, – раньше бы за то, что корову сгубила, на кол посадили, а теперь все гуманнее, – остатки бензина вылиты на заднюю стену.

Пламя все сильнее облизывало домик, добравшись и до соломенной крыши. Изнутри раздавались испуганные крики и стук в дверь.

– Ведь как с колдовством бороться? А рецепт тысячи лет известен – очищающее пламя, – поджег тряпку на бутылке, швырнул в дверь. – Мы как инквизиция, без нас бы культурный мир пал!

– И внучка ее, Жанка, тоже хороша, – сказала мать, – шестнадцать лет всего, а уже отрастила сиськи и с мужиками жила! Блудница!

– Нехорошая тенденция, – согласился отец, закуривая, и швыряя следующую бутылку прямоком в окно, – гнилая мелкобуржуазность какая-то.

Бутылка, пролетев меж досок, гулко взорвалась внутри дома.

– Ну что, зоркий ястреб, увидел, как героями становятся? – докуривая и бросая окурки в пламя пожара, спросил у Коли отец.

– Увидел... – брат, не отрываясь, смотрел на крематорий.

– На, попробуй, – отец протянул бутылку. – Сейчас подожгу, а ты бросай.

Чиркнула зажигалка, загорелась пропитанная бензином тряпка, бутылка, прочертив огненную дугу, разбилась о стену.

– Молодец! – похвалил отец. – Виталий, ты хочешь?

– Нет, – отказался я, с трудом сдерживая тошноту.

Крики заживо сгорающих людей из дома слились с гулом пламени, а потом, когда горящая крыша провалилась внутрь, смолкли.

– Если нас на пожаре не будет, то подозрительно, – сказала мать.

– Виталик, отнеси домой инструмент и канистру, а мы тут побудем.

– Можете спать ложиться, – разрешила мать. – А что милиция подумает? – повернулась к отцу.

– Милиция разве умеет думать? – отмахнулся.

– Как бы чего не вышло...

– Не волнуйся все, что могло выйти, уже вышло. А корову мы оформим в совхоз на мясо – и деньги на телевизор отобьются.

Назавтра приехал участковый, посмотрел на обгоревшие трупы, хмыкнул, распил с отцом бутылку водки.

– Пожар от естественных причин, – объявил напоследок, пошатываясь. – Можете хоронить.

Тела мирно закопали на погосте. Вскладчину устроили в столовой поминки. Родители вернулись ближе к вечеру.

– Пошли... огурчиков свежих сорвем, – ехидно ухмыльнулся отец.

Ухмылка была шербоной из-за зуба, который выбила повариха в прошлой деревне, подловившая его на кражах из столовой (скатерть и запасы черного перца у нас были оттуда). Впрочем, отец всем рассказывал, что лишился зуба, когда помогал КГБ задерживать банду особо опасных контрабандистов.

На огороде мать поймала рыжего соседского кота, упоенно пожирающего огурцы.

– Получается, не она огурцы портила! – крепко ухватив за холку, трепала кота мать. – А эта сволочь рыжая! Сашки Куприянова кот. У-у-у, душегуб, весь в хозяина!

– Огурцы не она, но корова-то сдохла. Не кот же ее отравил?

– Верно, Голубка сдохла... Значит, она!

– Не забивай себе голову. Умерла, как говорится, так умерла.

– С котом что делать?

– Начал с огурцов, а потом до курей доберется. Придуши, чтобы не орал, и пошли ужинать.

– А труп куда?

– Брось хозяину в огород, в назидание.

– Может лапы ему отрезать? Будут на смену кроличьим...

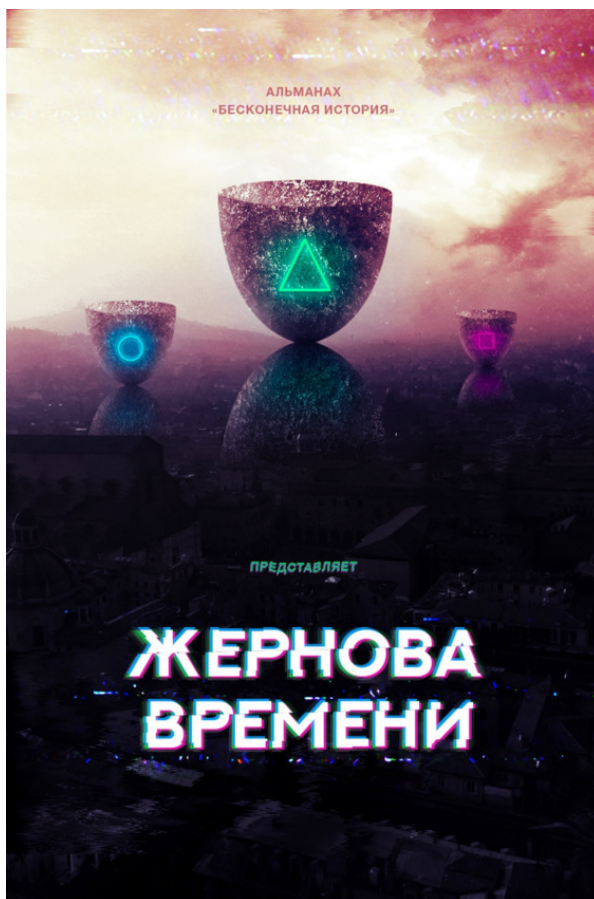
– Отрежь, чего добру пропадать? Сашке – ханурику будет знак, что его ждет, если у нас что-то случится.

– Тьфу, тьфу, тьфу... – поплевала через левое плечо.

А на следующий день у нас сдохла курица...

Черный рассвет

Рассказ написан для конкурса «Жернова времени» сайта «Квазар». Занял 13-е место в финале. Вошел в сборник «Жернова времени» https://ridero.ru/books/zhernova_vremeni/

Казенный кабинет с подержанной мебелью казался каким-то пыльным.

– Сергей, теперь о деле, – пожилой мужчина с ежиком седых волос и армейской выправкой, достал из ящика стола карту, расстелил.

– Провинция, – хмыкнул Сергей, крепкий мужчина лет тридцати, в толстых очках в роговой оправе. – Что там не так?

– Студент сельхозинститута, сын вождя африканского племени, – на карту легла фотография, – пропал.

– Мы тут при чем? Милиция пускай ищет.

– При том, – сверху лег тетрадный лист в клеточку.

Карандашный набросок – оплетенная корнями голова с искаженным страданием лицом и неровно оторванной шеей, с лоскутами кожи и обрывками артерий.

– Для меня все негры на одно лицо, – задумчиво сличил фото с рисунком Сергей, – но определенное сходство есть...

– Это он, не сомневайся. Эксперты проверили, – на карту лег лист заключения.

– Рисовал «пророк»? – поправил очки.

– Да, – отвернулся к окну.

– И что все это значит?

– Ты же знаешь, с «пророками» нет полной ясности...

- Знаю... Максимка там как? – голос дрогнул.
- Нормально... Это он и нарисовал...
- Твою мать! Простите, Егор Михайлович.
- Ничего, Сережа, я понимаю.
- Что еще странного? – взял себя в руки Сергей.
- Три студентки института пропали.
- Однотруппницы вожденка?
- Только одна, Света, – из ящика стола показалась еще фотография, следом еще две.
- Маньяк?
- Сергей Викторович, ты же знаешь, в Союзе маньяков нет, это не гнилой Запад.
- То есть, милиция эти дела не объединила?
- Нет.
- Понятно... – снова взял в руки рисунок. – Что за корни?
- Деревя... пока нет ясности, эксперты работают.
- А что за деревца на заднем фоне? – повернул рисунок.
- Вишня и яблонька.
- Там есть сады?
- Есть частный сектор, – карандаш очертил районы. – И два садовых товарищества: «Рассвет коммунизма» и «Максим Горький».
- Дачи посреди города? – удивился Сергей.
- Там река, как видишь, и овраги глубокие. На склонах дачи. Все заросло, настоящие джунгли, – положил аэрофотографии.
- Зеленка, – Сергей задумчиво наложил фотографии на карту. – Дачи и частный сектор – там нужно армейским подразделением прочесывать. Егор Михайлович, а сами вы что думаете? Маньяк? Вроде Джумангалиева?
- Может и маньяк, а может и кто-то с той стороны... Не знаю я, Сергей, не знаю. Но даже если маньяк, ты лучше справишься, чем местные Анискины.
- Сергей промолчал.
- Я на кладбище был в субботу, – опять отвернулся к окну Егор Михайлович. – Что же ты не сказал, что памятник Лене на могилу поставил?
- Так получилось, – развел руками. – И что об этом говорить? Пустое...
- А деньги? – Егор Михайлович повернулся и пристально посмотрел на Сергея. – Памятник кучу денег стоит.
- Я, как сейчас говорят, на хозрасчете, – встал со скрипучего стула, сворачивая карту. – Не надо мне денег.
- Сергей, ты рискуешь с этими своими делишками. Цеховики эти, кооператоры...
- Это мое дело!
- Хорошо, делай, как знаешь, – устало махнул рукой. – Сережа, поедешь ты не один. Паренек один есть на примете.
- Что за паренек?
- Миша зовут, комиссовали «из-за речки» недавно. Его отделение в горах на шайтана напоролось.
- Печально.
- Шайтан всех положил, один Миша остался. Штыком шайтана завалил.
- Хм, догадался, что пули его не возьмут?
- Не знаю, но когда стал рассказывать, решили что сошел с ума от страха и быстренько комиссовали. Парень один, на гражданке никому не нужен.
- Я тут при чем?
- Племянник он мой, сестры сын...

– Лена не говорила, что у нее есть двоюродный брат.
– Она много чего не говорила... Я матери его обещал позаботиться, если что.
– У нас шансов сыграть в ящик больше, чем в Афгане. Устройте его водителем куда-нибудь или в таксопарк.
– Шайтан его укусил...
– Твою мать! – хлопнул ладонью по столу.
– Поэтому и прошу, чтобы ты взял над парнем шефство. По-человечески прошу, Сережа.
– Что он знает о нашей работе? – медленно спросил Сергей.
– Я вкратце обрисовал.
– Стрелять умеет?
– В учебке научили.
– Ладно, штыком владеет – для начала хватит. Стрелять научиться, если в живых останется. Все?
– Поедете как инженеры «Красного пролетария», – протянул толстую папку из кожзама. – Тут билеты, удостоверения и деньги.
– Хорошо, – взял папку, пожал руку пожилого, прихрамывая, пошел к двери.
– Береги парня, – сказал Егор Михайлович в спину зятя.
– Постараюсь.
– И сам не рискуй.
– Попытаюсь, – вышел из кабинета.
Егор Михайлович, разом обмякнув, смотрел вслед.

Поезд прибыл рано утром.
– Интересно, до гостиницы далеко? – глядя на медленно приближающийся пустой перрон, спросил Миша.
– Далеко, – Сергей деловито затянул ремень на чемодане. – Она в другом районе.
– Как добираться будем?
– Через пятнадцать минут в ту сторону пойдет электричка.
– Почему там? Ближе нет?
– Потому, что мы с тобой инженеры, приехали перенимать опыт на машиностроительный завод, а гостиница при заводе.
– Придется на завод идти? – совсем по-детски спросил парень.
– Конечно, командировки же надо отметить.
– Ясно.
Поезд остановился. Немногочисленные пассажиры потянулись к выходу.
– Счастливого пути, – привычно желала замотанная проводница.
– До свидания, – сказал Миша.
Сергей молча кивнул.
Утренняя прохлада обняла приезжих.
– Пригородные кассы там.
– Сергей Викторович, вы тут уже были?
– Миша, у нас по всей стране вокзалы похожи. С незначительными различиями. И если бы я тут был, то вряд ли пришлось возвращаться, – запахнул дефицитный югославский плащ и зашагал к кассам.

Сонная дежурная равнодушно смотрела новенький «Рубин-714».
– Здравствуйте. У вас забронировано?

– Забронировано, – Сергей подошел к стойке с пыльной табличкой «Мест нет». – На фамилии Чашин и Снегов.

– Сейчас проверю. Молодой человек, – посмотрела на Мишу, – пока делать нечего, поправьте антенну.

Миша посмотрел на старшего.

– Поправь, – кивнул Сергей.

Дежурная ковырялась в каких-то журналах, Миша неуверенно потрогал рогатую антенну на телевизоре.

– Из Москвы? – наконец спросила женщина.

– Да.

– Двухкомнатный?

– Да.

– Надолго?

– Пока не знаем, командированные мы.

– Учтите, больше месяца жить нельзя.

– Я знаю, не первый день замужем.

– Давайте сюда паспорта, а сами пока заполняйте анкеты, – протянула два пожелтевших листочка. – Вот ключ, – сняла с доски за спиной ключ с большой деревянной биркой.

– Двенадцатый номер. Будете выходить – ключ сдавайте. Карточки гостя носите с собой, без них ключ не дадут. Буфет на втором этаже. В буфете яйца есть куриные, бутерброды, сардельки бывают. Все ясно?

– Ясно, – Сергей подхватил паспорта и ключ и уверенно пошел по коридору.

Миша, оставив в покое антенну, поспешил за ним. Администратор вновь безучастно уставилась на экран.

– Прибыли, – Сергей положил чемодан на кровать и, подойдя к окну, подозрительно осмотрел улицу.

– Что дальше? – Миша сел на одеяло, напомнимшее недавнюю армию.

– Надо бы завтрак сварганить, – кивнул на графин, достал из чемодана жестяную банку индийского кофе, буханку хлеба, банку тушенки и маленький кипятильник. – Схожу, воды наберу, а ты пока тушенку на хлеб намажь, пожуем.

После завтрака карта переключалась на столик.

– Три района, почти четыреста тысяч жителей, – водил карандашом по карте Сергей, – особых достопримечательностей нет. Начнем где-нибудь здесь. Спустимся в овраг и пойдем вдоль реки.

– Что ищем? – Миша отхлебнул остывший кофе.

– Пока не знаю. Наша с тобой цель – частный сектор и дачи.

– И что, вишни с яблонями осматривать будем? Как мы найдем нужные?

– Я, – Сергей тяжело посмотрел на парня, – почувствую. Ясно? Он находится где-то здесь. Мне надо просто «зацепиться» за него. Еще вопросы?

– Так точно, – подобрался Миша. – Когда мы его найдем, что будем делать? Милиции сдадим?

– Миша, ты совсем того? Отдать его нашему, самому гуманному в мире суду? А доказательства? Ты, когда в горах штык в шайтана втыкал, о суде и милиции думал? – глаза за стеклами очков налились свинцовой тяжестью, стали серыми и тусклыми, как бетон.

– Нет, – медленно ответил Миша, отводя взгляд.

– Нет, – повторил Сергей. – Ты просто взял и воткнул штык в, кстати, как он выглядел?

– Старик, это был старик...

– Всадил штык в старика, без всякого суда и следствия. Так?

– Он ребят, – Миша сглотнул, – ребят на куски порвал. Они стреляли, а ему хоть бы хны! – голос дрогнул.

– Ты молодец, парень, – взгляд Сергея потеплел, – и все сделал правильно. И тут мы тоже должны все сделать правильно.

– Но маньяк, – Миша осторожно подбирал слова, – он же человек?..

– Тот, кто такое делает, сам лишает себя статуса человека. Значит, и поступать с ним надо так, как ты поступил с той тварью.

– А если его тоже пули не берут?

– Тогда осиновый кол, пули серебряные, святая вода.

– Святая вода? Из церкви что ли? – удивился Миша.

– Не из всякой церкви, но да.

– Но бога же нет, нам так в школе говорили, почему она действует?

– Не знаю, но она действует. Так и с, – запнулся, – пророками. Никто не понимает, как они действуют, но действуют.

– Они кто? – осторожно спросил Миша.

– В пятьдесят четвертом на Тоцком полигоне, – нехотя ответил Сергей, – проводились учения. Солдат и технику прогнали через эпицентр атомного взрыва.

– Как в Чернобыле?

– Примерно. Кто-то умер, кто-то жил, как ни в чем не бывало. У некоторых родились дети... а потом внуки... некоторые из них отличаются...

– От кого?

– От тебя, от меня, от других детей, – неожиданно раздраженно ответил Сергей. – Не важно. У некоторых проявились странные способности. Они могут видеть будущее. Комитет собрал их и использует...

– Комитет?

– КГБ. Что ты так на меня смотришь?

– Мне дядя Егор, ну Егор Михайлович сказал, что у вас...

– Что? – Сергей как-то обмяк.

– Ну... сын... пророк...

– Хватит! – Сергей выставил ладонь. – Вводный инструктаж проведен, принимаемся за дело, – встал, сложил карту, одел плащ.

Достал из чемодана наган, засунул за пояс.

– Вы прямо так, с пистолетом пойдете?

– Да, – деловито уложил в авоську оставшийся хлеб, пук зеленого лука, стаканы. – Что может быть безобиднее, чем гуляющие по городу подвыпившие командированные?

– А если милиция?

– Отдам червонец, – аккуратно достал из чемодана бумажный пакет с вареными яйцами и добавил в авоську. – Сегодня суббота, милиция сама отдыхает.

– А мне?

– Что тебе?

– Оружие, – покраснел Миша.

– Нож у тебя есть, пока хватит. И не бойся, сделай то, что надо. Помнишь, в кино, есть такая профессия Родину защищать?

– Помню.

– Ты ее в Афгане защищал, интернациональный долг выполнял. Теперь здесь будешь защищать.

– Там понятно было, – внезапно севшим голосом сказал Миша, – в кого стрелять. А тут?

– И тут разберемся, не суетись, солдат. Чемодан надо в сейф сдать, – поднял с кровати.

– Не боитесь?

– В номере оставлять опаснее, мало ли кто тут шарится. Меня пару раз пытались в гостиницах обокрасть. Неси, только аккуратно, яйца не разбей, – отдал авоську Мише.

– Крупные. Чьи такие?

– Гусиные. Пошли

На улице заметно потеплело.

– Сейчас садимся на троллейбус, – Сергей уверенно шагнул по городу, – и едем к автовокзалу.

– Зачем?

– Там должны стоять таксисты. Купим у них водки.

– У таксистов?

– Хочешь попробовать в магазине? – нехорошо усмехнулся Сергей. – По талонам в очереди? Так еще «ленинский час» не наступил. Да и сомневаюсь, что тут кроме морской капусты даже по талонам что-то продается.

– Нет...

– В ресторане?

– Нет... может на рынке?

– Здравая мысль, но рынок напротив автовокзала. Значит, таксисты. Вон и наш троллейбус идет, поехали.

– Земляк, выпить есть? – улыбнулся Сергей мордато-му таксисту.

– В магазине, по червонцу, – буркнул таксист. – И не факт, что привезут.

– А если побыстрее?

– Пятнашка, – воровато оглянулся по сторонам.

– Дорого, земляк, – Сергей все так же улыбался. – Помоги, трубы горят. Будь человеком.

– Четырнадцать.

– Вот дело, – вынул деньги.

– Народ и партия едины, – таксист с усмешкой кивнул на плакат на стене автовокзала, – различны только магазины.

– Что делать? – пожал плечами Сергей.

Купив водку, сели в другой троллейбус, проехали проспектом Ленина мимо площади Ленина.

– Красивый город, – сказал Миша. – Зелени много.

– Обычный город, просто ты за речкой отвык от зелени.

– Людей немного.

– Выходной, все на дачах, за городом.

Вышли на конечной остановке.

– Река там, – показал Сергей в сторону деревьев. – Спустимся к реке и пойдем вдоль.

– Плащ ваш не сильно приспособлен для прогулок на природе.

– Зато никто не подумает, что я прячусь.

Крутой спуск к реке напоминал глубокий овраг.

– А тот берег пологий, – посмотрел через реку Миша.

– Есть такой, – кивнул Сергей. – У большинства рек в Северном полушарии правый берег всегда крутой.

– Правда? – удивился парень. – А я не знал.

– Теперь знаешь. Ты как, переплывешь?

– Я плавать не умею, – залился румянцем Миша. – А вы?

– А я умею. Тут и начнем, – Сергей достал из кармана бутылку. – Чего стоишь? Постели газету, доставай стаканы!

– Прямо здесь пить будем? – Миша оглянулся назад, где за деревьями еле слышно шумел город.

– Прямо здесь. Мы же приезжие, ничего тут не знаем.

Миша, решив не спорить, расстелил «Правду», поставил на нее стаканы, положил хлеб, лук, сверток с яйцами.

– Охотники на привале, – расстегнув плащ, Сергей присел на корточки. – Хлеб порежь, – достал из кармана кулек с крупной пожелтевшей солью, выложил на «Правду». Сковырнув головку, до половины налил стаканы.

Миша, усевшись на подстеленную газету, порезал хлеб.

– Бери, не чокаясь. Будем.

Выпили. Поморщившись, Сергей взял лук, макнул в соль, зажевал. Миша потянулся к яйцу.

– Не трогай! Хлеб с луком ешь.

– А яйца? – обиженно спросил парень.

– Не яйца это, Михаил. Это оружие последнего шанса.

– Яйца?

– Возьми и посмотри, только аккуратно.

Миша взял яйцо.

– Тяжелое.

– Граната, начиненная серебром и замаскированная под яйцо. Побочная продукция оружейников Комитета, – снова разлил по стаканам. – Конверсия, мать ее, в действии. А вон те – с термитной смесью. Один хороший человек, земля ему пухом, сделал. Хорошая штука. Надо только сильно надавить большим пальцем на тупой конец яйца и все, бросай. Ладно, бери, не чокаясь. Вздрогнули.

Выпили.

– Передайте Ильичу, нам и десять по плечу... – Сергей задумчиво покачал бутылку, рассматривая оставшуюся водку. – Теперь слушай, – перевел неожиданно трезвый взгляд на слегка «поплывшего» Мишу. – Пойдем в ту сторону. Оно где-то здесь, я чувствую. Не спрашивай как, – заметив попытку напарника, прервал. – Чувствую и все. Держись в паре шагов позади и что-нибудь рассказывай. И будь готов ко всему, – встал. – Собрать ничего не забудь. И стаканы не посеи, – спрятал бутылку, – а то в гостинице высчитают за них.

Поспешно собрав остатки пиршества, Миша пошел следом.

– А что рассказывать? – спросил тихо.

– Не знаю... «Ты семнадцать мгновений весны» смотрел?

– Да.

– Вот и рассказывай.

– Ну, там... – идти средь кустов, деревьев и крапивы, успевшей вымахать выше пояса, было нелегко, но Миша упорно рассказывал.

Слева сверху замелькали дощатые заборы. Домики.

– Вот и пришли, – поднял руку Сергей.

От реки мирно пахло тиной. После запаха гор, горячей пыли и ароматов армейского госпиталя, тина пьянила не хуже водки. В реке плеснула крупная рыба.

– Смотри внимательно, где-то должна быть тропинка вверх.

– Если ее тут нет? – перевел дух Миша.

– Есть, как-то они ходят рыбу ловить? Или стирать на речку. Или за водой?

Тропинка вынырнула из-под нога почти сразу.

– Поднимаемся вверх. Если что, то ищем Кольку Пискунова, он с зоны пришел недавно.

– А кто это?

– Не знаю, я только что имя придумал. Кстати, обратил внимание, что тут птиц нет?

- Разве нет? – завертел головой.
- Наверху в городе голуби, воробьи, а тут, в лесу возле реки, где их должно быть полно – тишина.
- Как в «Женитьбе Бальзамина», – поднявшись к покосившимся заборам, сказал Миша. – Фильм такой, – объяснил на недоуменный взгляд Сергея.
- Интересный? – равнодушно спросил Сергей.
- Да, там Вицин снимается.
- А теперь помолчи.
- Крепко уперевшись кирзовыми сапогами в землю, проход перегородили двое мужиков, глядя на подходящих мутными полужакрытыми глазами. Михаил подобрался.
- Пройти можно? – спросил Сергей.
- Можно Машку за ляжку и козу на возу, – осклабился стоявший слева, в грязной тельняшке.
- Разрешите пройти, – снова сказал Сергей.
- Вы чего тут шароeb... сь? – спросил второй, одетый в лоснящуюся фуфайку горчичного цвета.
- Кольку Пискунова ищем, он откинулся недавно. Не знаете?
- Мужики с усилием переглянулись.
- Что за дела? – спросил тельняшка.
- Дело к нему, ему и скажем.
- Местные застыли, будто прислушиваясь к чему-то.
- Нет у нас никакого Пискунова, – выдал телогрейка, – проваливайте отсюда.
- Где же хваленое местное гостеприимство?
- Мужики снова застыли безмолвными истуканами.
- Хорошо, мы уходим, – Сергей примиряюще выставил ладони, широко улыбнулся и пьяно покачнулся, едва не упав. – Нет, так нет. Пошли, Дима, – хлопнул Мишу по плечу, – поищем в другом месте. Не будем мешать людям.
- Развернувшись, пошли обратно. Возле тропинки к реке Миша не выдержал и оглянулся. «Аборигены» стояли, молча глядя вслед. По спине парня пробежала дрожь.
- Не оглядывайся, – сквозь зубы процедил Сергей. – Не надо провоцировать их.
- Обратный путь прошел в молчании.
- Допьем, – повелительно сказал Сергей, поравнявшись с местом пикника.
- Газеты расстилать?
- Стоя выпьем, не बारे. Стаканы только достань, не охота из горла хлебать.
- Добили водку. Сергей, подойдя к воде, тщательно вымыл бутылку и отправил плыть по течению.
- Сергей Викторович, зачем вы ее мыли?
- Отпечатки, Миша, отпечатки. Мало ли что произойдет здесь ночью, и мало ли кто будет осматривать место происшествия. Негоже оставлять свои «пальцы» на чем ни попадя.
- Сегодня ночью?
- Чем тебе не нравится нынешняя ночь? Луна будет полной, самое время для романтических прогулок.
- Для романтических прогулок нужна девушка, – робко пошутил Миша.
- Будет девушка, – заверил Сергей, – всем девушкам девушка. С косой... острой такой... Пошли, нам пора.
- Вы думаете, это здесь? – глядя в широкую спину, спросил Миша.
- Где-то поблизости, будь уверен, – обернувшись, трезво посмотрел на напарника Сергей. – Эти два жлоба не сами по себе стояли, как два тополя на Плющихе. Их кто-то контролировал, – снова зашагал вверх.

- Откуда вы знаете?..
- Тебе надо работать над наблюдательностью, солдат. Тот, что в телогрейке, успел уже пару раз обоссаться – прямо в штаны.
- Вы прямо Шерлок Холмс! – восхитился Миша.
- А еще я вижу то, чего большинство людей не видит, но это к делу не относится.
- А что относится?
- То, что кто-то поставил на страже двух кадавров.
- Что такое кадавр?
- Что-то вроде упыря, ожившего мертвеца.
- Такое бывает? – побледнел Миша.
- Всякое бывает. Дождемся троллейбуса и поедем в гостиницу. Только еще одно, – подошел к старушке, торговавшей возле остановки жареными семечками прямо стоящего на табурете из мешка. – Бабушка, выпить есть?
- Деньги у тебя есть, внучек? – холодный взгляд торговки напомнил Мише взгляд змеи, встреченной однажды в горах.
- А-то! – глуповато улыбнулся Сергей и, покачнувшись, с трудом удержался на ногах. – Со всем нашим почтением, – достал из кармана красный червонец и синенькую пятерку. – Хватит?
- Хватит, – откуда-то из-под табурета вытащила поллитру «Столичной». – Сами откуда будете, соколы ясные?
- Из Москвы мы, – ловко подхватил «Столичную» Сергей.
- По делу приехали али как?
- Мише захотелось сглотнуть под этим взглядом.
- По делу, – спрятав бутылку, протянул деньги Сергей, – завод ваш смотреть приехали, может, перейдем чего.
- То дело, – протянула бежевый рубль сдачи, как кукла на веревочке качнула головой, – изобретатели-рационализаторы.
- Подъехал троллейбус.
- Спасибо, до свидания, – Сергей потащил Мишу за собой.
- Бабка, не дрогнув ни единым мускулом, смотрела вслед.
- У нее такой взгляд... – стоя на задней площадке, поежился Миша.
- Старая кочерга тоже под чьим-то контролем, но тут расстояние до хозяина больше.
- Вроде гипноза?
- Гипноз детский лепет и шарлатанство. Запомни, никакого гипноза нет в помине.
- А что есть?
- Есть... – Сергей задумался, – есть что-то такое, что не совсем из нашего мира. – Подошедшая кондукторша заставила мужчину замолчать.
- Что у вас за проезд, молодые люди? – женщина с сумкой смотрела устало, как замученная дрессировщиком собака.
- Два билета, пожалуйста, – Сергей протянул десятикопеечную монету.
- Возьмите, – всучив два билетика и двушку сдачи, кондуктор ушла на свое место.
- Сергей сел на сидение и, казалось, забыл о спутнике, глядя в окно.
- Вы про инопланетян? – тихо спросил Миша, когда троллейбус проезжал площадь Ленина. – У нас ребята в части рассказывали...
- Никаких инопланетян не существует. А если они и есть, то мы им совсем не интересны. До гостиницы добрались в молчании.
- Сходи в буфет, купи чего-нибудь закусить, – протянул Мише зеленый трояк. – Ключик от двенадцатого, будьте любезны, – сказал администраторше.
- Женщина за стойкой сидела другая, но так же равнодушно пялилась в телевизор.

- Фамилия?
- Снегов.
- Сейчас, – как мышь прошуршала бумагами. – Есть такой, – привстала, повернулась, сняла ключ. – Паспорт покажите.
- Пожалуйста, – вынул паспорт, вложил в него карточку гостя, протянул женщине.
- Все верно, – пролистала подозрительно, нехотя вернула, отдала ключ.
- Миша с кульком из крафтовой бумаги уже ждал у двери номера.
- Купил? – отпирая дверь, спросил Сергей.
- Пирожки и пара сарделек.
- Молодец. Проходи. Сейчас схожу за чемоданом, дерябнем по стакану и спать.
- Спать?
- Нам ночью на дело идти. Забыл? Или хочешь посмотреть достопримечательности?
- Они тут есть?
- Стадион, тюрьма и швейная фабрика, – Сергей вышел из номера.
- Вернулся с чемоданом, поставил возле кровати, присел к столу.
- Ну, как говорится, – открыл бутылку, налил в стаканы. – И давай на ты.
- Сергей, скажите, скажи, а пить обязательно?
- Я, как бы тебе попонятнее сказать, вижу некоторые вещи, недоступные другим. Например, я видел что-то вроде нитей паутины, тянущихся от кадавров на берегу и нить от торговли семечками... – прервался, впившись взглядом в глаза Миши. – Психом меня считаешь?
- Егор Михайлович сказал, что вы немного странный...
- Мягко сказал, – стукнув стаканом о стоящий на столе стакан Миши, выпил. – Твое здоровье.
- Спасибо, ваше тоже, – Миша нехотя взял стакан и выпил. – И что это такое, по вашему?
- Где-то сидит тварь, управляющая людьми. Она как опухоль, как рак – если не остановить, то захватит весь город, всех под себя подомнет.
- И всю страну?
- Страну не сможет, – пожевал пирожок, зевнул, – мы же с тобой не одни такие.
- И много еще таких?
- Достаточно.
- Скажите, а эта тварь, она откуда? Американцы придумали?
- Ха, скажешь тоже, – встал со стула, начал раздеваться, – такие твари тысячи лет с людьми бок о бок живут, только раньше их ведьмами называли и на кострах жгли. Спать ложись.
- Не хочется мне.
- Неужели в армии не научили, что солдат спит – служба идет?
- Научили, – Миша встал и начал раздеваться, – но то в армии.
- Мы, считай, тоже на службе. Что это у тебя? – посмотрел на грудь парня.
- Крестик, – смутился Миша. – Мама наказала носить не снимая.
- Если мама наказала, – откинул одеяло, – то носи. Может и поможет, – лег, закрыл глаза и замолчал.
- Миша, помявшись, лег на кровать. Незаметно для себя заснул.
- Дурак ты, Снегов, – Лена сидела на стуле и брезгливо нюхала стакан. – Ой, дурак...
- Дурак, – согласился Сергей, – но что поделаешь?
- Сам дурак и парня за собой потянешь.
- Судьба такая.
- Сергей, ты же понимаешь, что надо группу вызывать.
- Мы и есть группа.

– Мальчик не знает ничего, толку с него чуть. Один ты тварь не осилишь. Видишь же, что она силу набрала.

– Посмотрим, – упрямо тряхнул головой.

– Сережа. Одумайся! Сам жить не хочешь, парень-то в чем виноват?

– Родился – уже виноват.

– Не спеши ты. Нет тут ничего. И меня тоже нет. Сгнила я давно. И памятник без надобности мне.

– Думаешь, я этого не знаю? – Сергей встал, посмотрел на тихо стонущего во сне Мишу, подошел к столу, прямо из горла хлебнул теплой водки. – Думаешь, я не понимаю, что тебя нет? Что ты лишь моя совесть, – скривился, – если она у меня есть или лишь мое подсознание, принявшее твой вид.

– Или сумасшествие...

– Возможно, – снова глотнул противную водку, – но помощи ждать неоткуда. Твой папа не понимает, что система начала рушиться. А я был в феврале в Карабахе и видел, что там творится. Даже всесильный Комитет уже бессилён! – с трудом удержался от удара кулаком по столу. – Они у меня сына забрали ради своих игр, а я должен у них помощи просить?!

— Да, Снегов, должен.

– Они тебя у меня забрали!!!

– Я сама сделала выбор, никто не виноват.

Шесты с насаженными на них тряпками. Миша подошел поближе. Это были не тряпки. Рот наполнился желчью, скрутила судорога, вырвало. На шестах болталась человеческая кожа. Когда рвота закончилась, через силу стал осматривать страшную находку.

– Нра-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-вится? – прошипело за спиной.

Миша вздрогнул и обернулся. Перед ним стояло смутно похожее на человека высокое полупрозрачное существо, с безгубым ртом и тонкими острыми зубами, напоминающими иголки. Покачиваясь будто стебель подсолнуха на веру, существо тонко свистело, вызывая боль в зубах, и манило худой трехпалой рукой. У ног в беззвучном крике кривила толстые губы голова негра. Чуть поодаль лежали две девичьи головки.

– Ми-и-и-ш-ш-ша, – просвистело существо, – иди ко мне... ко мне... Утоли меня, Ми-и-и-и-ш-ш-ша.

Большие красные глаза вспыхивали и тускнели в такт крови, барабанами стучащей в висках Чашина. Миша почувствовал такую жуть и тоску, что волосы на голове встали дыбом.

– Миш-ш-ш-ш-ша, сюд-д-д-д-да.

– Нет, – попятился Миша, кривясь от зубной боли.

– Ми-и-и-и-ш-ш-ш-ш-ша, – сверлили мозг шепот. – Ми-и-и-и-ш-ш-ш-ш-ша. Я ж-ж-ж-жду, – пальцы лениво шевелились, словно водоросли, потревоженные трупными газами утопленника. – Миш-ш-ш-ш-ша, ты мой.

Миша проснулся от собственного крика. Сел в кровати, пытаясь унять бешено несущееся куда-то сердце. За окном Солнце клонилось к закату. Одетый мрачный Сергей сидел за столом и рассматривал содержимое чемодана.

– Выспался?

– Не то чтобы...

– Вот и славно, – покачал головой, разминая жилистую шею. – Уже хотел тебя будить, а ты сам подхватился. Собирайся, видел такую штуку? – достал из чемодана АПС¹ с деревянной кобурой.

¹ 9-мм автоматический пистолет Стечкина (АПС) – автоматический пистолет, разработанный в конце 1940-х – начале 1950-х годов конструктором И. Я. Стечкиным и принятый на вооружение Вооружённых Сил СССР в 1951 году, одновременно

– Видел, но стрелять не приходилось.

– Ничего сложного, смотри, – быстро показал, отдал парню. – Без команды не стрелять, – достал два цельнометаллических топорика. – Не туристическая поделка, а вещь. Надейся больше на это, – протянул один Мише. – Пуля – дура, не всегда поможет. Хотя, ты уже и сам знаешь это, – вынул две гранаты РГД-5².

– Знаю, – Миша спрятал оружие в свою спортивную сумку.

– Вот и славненько, – сунул топор в петлю на ремне. – Почувствую себя Раскольниковым. Еще надежное средство, – показал связку деревянных кольев и киянку.

– Это что?

– Колья осиновые. Нечисть не любит осину. Если что, то вбивай прямо в сердце! Понял?

– Так точно, – Миша был слегка ошарашен, но предпочел держать мысли при себе.

– И вот это возьми, – протянул длинный тяжелый фонарь, – в сумку спрячь. Присядем на дорожку.

Миша послушно сел на стул.

– Верите в приметы?

– Предки все не зря выдумали, – подмигнул Сергей. – И мы на ты. Пора, – встал. – В бой, друг мой. Поедем к месту другой дорогой, – шагая к остановке, объяснял он. – Тут короче получается.

– Понял.

– Страшно? – пристально посмотрел на парня.

– Чуток потряхивает, – признался Миша.

– Адреналин, нормально все.

Нужный троллейбус прождали почти полчаса. Молча ехали по погружающемуся в сумерки городу. Вскоре вокруг замелькали окошки частных домиков.

– Нам на следующей выходить, – Сергей встал с сидения и пошел к двери.

Миша шел следом, стараясь не задеть никого тяжелой сумкой.

Вышли на остановке. Вокруг громоздились домики. Промежутки меж заборов кое-где были разбавлены тусклыми желтыми мазками фонарей.

– Лубок просто, – Сергей окинул взглядом окрестности.

Где-то неподалеку лениво забрехала собака.

– Мужики, закурить не найдется? – вышедший за ними помятый небритый субъект исподлобья уставился на чужаков.

– Не курим, дядя, – Сергей нехорошо улыбнулся. – И тебе не советуем. Для здоровья не полезно.

– Понял, – развернувшись, местный по крысиному шмыгнул в узкий проулок.

– За подмогой потопал, – усмехнулся Сергей. – Чужих тут не любят.

– Если догонят?

– Пускай догоняют, – оскалился. – Мы приехали и уехали, а им здесь жить. Нам туда.

Пропустив одинокий «жигуль», перешли через дорогу, стали спускаться по грунтовке. Выскочившая, словно разбойник из засады, Луна залила окрестности призрачным зыбким светом. Глубокие тени перекрыли дорогу будто шлагбаумы. Даже Луна была сама на себя не похожа, словно на небе подменили светило. Спустившись, оказались на развилке. Прямо начинался извилистый отросток оврага, вправо уходила улица. Свернули вправо.

с пистолетом Макарова. АПС предназначен для вооружения офицеров, принимающих непосредственное участие в боевых действиях, а также для солдат и сержантов некоторых специальных подразделений. https://ru.wikipedia.org/wiki/Автоматический_пистолет_Стечкина

² РГД-5 (Ручная Граната Дистанционная, модификация – 5) – советская наступательная ручная граната, относится к противопехотным осколочным ручным гранатам дистанционного действия наступательного типа. Была принята на вооружение ВС СССР, в 1954 году, взамен наступательной гранаты РГ-42. <https://ru.wikipedia.org/wiki/РГД-5>

– Теперь смотри в оба, – Сергей стал спускаться в овраг по узенькой тропинке вдоль высокого глухого забора. – И сумку расстегни.

Слева был обрыв, заваленный всяким мусором. Миша, изо всех сил стараясь не сковырнуться с крутой тропки, шел следом.

– Глубоко, – оглянулся он назад. – С виду не скажешь, что тут такие каньоны.

– Угу, – Сергей застыл, глядя на поднимающиеся от земли туманные воронки испарений.

– Скажи, а почему мы их утром не того?

– Потому, что нам не нужны шестерки. Нужен главный, без него все рухнет.

Из зыбкого света соткался знакомый силуэт.

– Приш-ш-ш-шли, – по-змеиному прошипел носитель тельняшки, медленно, словно в кошмарном сне, вытащил откуда-то из-за спины большой нож.

– Прямо самурай какой-то, – Сергей ловко шагнул вперед-вбок, пропуская мимо руку с ножом, и раздробил затылок «моряка» обухом выхваченного топора.

Покачавшись как ванька-встанька, мужик нехотя завалился лицом в рыхлую землю. В обманчивом свете Мише почудились длинные белые черви, снующие среди костяного крошева. Парня слегка замутило.

– Первый номер пошел, – припав на одно колено, Сергей парой движений отделил голову. Встав, откатил ее ногой. – Вот ты какой, Колобок, – требовательно протянул руку. – Кол!

Мишу едва не вырвало, но он послушно вложил в руку кол. Показалось, что за стеклами очков Сергея вспыхнули два зловещих огонька, но парень списал игру света на Луну.

– Чего скис, солдат? Не дрейфь, прорвемся, – присев, приставил кол к сердцу и сильно ударил ладонью, загоняя. Встал, – За мной!

Шли вдоль редкого ряда дощатых дачных домиков. Миша уловил движение, повернулся влево, выхватывая пистолет, дважды нажал на курок. Два хлопка, будто выбивают ковер. Тень, словно налетев на преграду, осела.

– Голову отсекай, – повернулся Сергей, продолжая чутко прислушиваться к ночи, – в этом деле нужна стопроцентная гарантия.

Миша, достав топор, начал неловко тюкать по шее хозяина фуфайки.

– Четче бей! Ни разу курей не рубил?

– Нет...

– И лопаткой в учебке не учили рубить?

– Нет...

– О времена, о нравы! – приблизившись, схватил Мишину руку с топором. – Расслабься. Вот так, – резко повел руку вниз. Голова откатилась от тела. – С почином, Михаил, – отпустил руку.

Мишу скрутил внезапный спазм. Согнувшегося парня вырвало прямо на отрубленную голову. Он прижал руку к животу, будто стараясь удержать внутренности, которые кто-то крутил холодной рукой.

– Оклемался? – Сергей встревоженно посмотрел на напарника.

– Да, – вытер губы рукавом. – Что дальше?

– Ничего не забыл?

– Кол?

– Да, учись.

Миша дрожащей рукой приставил кол, замахнулся киянкой, повернул голову к напарнику.

– Да бей ты, не телись!

Тремя ударами загнал кол в грудь трупа.

– Нам сюда, – Сергей шагнул на крыльцо, вежливо постучал в дверь:

– Тук, тук, тук, кто в теремочке живет? Кто в невысоком живет? Молчат, – повернулся к Мише, – затаились. Не хотят по-хорошему...

– Вдруг, это не здесь?

– Не здесь? Смотри, – показал рукой на участок, – вон вишня, вон яблоня.

– Не доказательство.

– Ты прав, – отступив на шаг, выбросил вперед правую ногу, выбивая дверь.

Вокруг врезного замка брызнули белые щепки, дверь влетела в темноту.

– Свети! – приказал Сергей.

Миша достал фонарь, сдвинул выключатель, направил луч внутрь. Неподалеку от входа луч завяз, будто потерялся в тумане.

– Что это? – удивился Миша.

– Это, – ствол нагана, неизвестно как оказавшегося в руке, словно нос таксы принялся к странной темноте, – доказательство, которого ты жаждал. – Достал левой рукой монетку, щелчком отправил внутрь. Монетка нырнула в туман и словно пропала. – Видел?

— Да... а что это?..

– Не знаю, но соваться туда, у меня никакого желания нет.

– А если так? – Миша прицелился вдоль луча, спустил курок.

Плевков глушителя, пуля канула, будто в толще воды.

– Нечего патроны тратить, – недовольно пробурчал Сергей, – не казенные.

– Извини, я просто хотел...

– Все хотят, только по-разному, – мощно выдохнул в туманную темь.

Выдох проявился паром и вдруг осыпался, словно иней, растаяв в темноте.

– Вот такие дела, солдат.

– Разве такое может быть?

– Сам же видишь, что может, а что не может.

– И что нам теперь делать?

– А ничего. Подождем эту хибару и все дела. Огонь штука такая: от любой нечисти очищает.

– Погодите, Сергей, а если это неизвестное науке явление?

— И что?

– Его же изучать надо! А вы, ты, хочешь, уничтожить! – схватил Сергея за рукав.

– Хочу, – страхнул руку Миши. – Это явление как минимум шестерых угробило. Это ты понимаешь? – брызнул в лицо Миши слюной. – Шестерых, мать твою! У меня к таким «явлениям» личный счет!!! А личный счет он как любовь, всегда с тобой.

– Но есть же...

Договорить не успел, Сергей рывком отбросил его в сторону и вскинул топор. Миша обернулся. Торговка семечками выставив длинный сточенный столовый нож кинулась в атаку. Пистолет в руке Чащина будто сам собой поднялся навстречу. Хлопки выстрелов. Ударом ноги сбив закрутившуюся на месте старуху на землю, Сергей дважды взмахнул топором.

– Попробуем, как древние греки советовали, – схватив отрубленную голову за похожие на паклю жидкие сальные волосы, будто подавая волейбольный мяч, швырнул в проем двери.

Длинная фиолетовая молния, такая яркая, что стало больно глазам, ударила из домика прямо в топор. Сергей упал. Миша кинулся к нему.

– Помоги.

Парень протянул руку, поднатужившись, поднял товарища.

– Мощная штука, – посмотрел на искореженный топор, завернувшийся, словно лопасть вертолетного винта, – чуть плечо не вырвало. Рука отнялась...

— Да что же это такое?!

– Хош-ш-ш-шешъ знать? – в дверях показалось существо из Мишиного сна.

– Что это? – Миша поймал существо на мушку.
– Это искомый кукловод, – оскалился Сергей, шагая вперед, – собственной персоной.
– Прош-ш-ш-шу любить и ж-ж-ж-жаловать, – существо раскланялось. – Давненько жду гостей. Заж-ж-ж-ждался уж-ж-ж-же.

Миша покосился на Сергея.

– А вы, Сереж-ж-ж-ж-женька, не спеш-ш-ш-шили, я погляж-ж-ж-жу, – тонкие ручки развелись, будто в недоумении.

– Я всегда вовремя прихлжу-ж-ж-жу, – передразнил Сергей, сбрасывая плащ. – Топор! – не глядя протянул руку назад.

Миша отдал свой топор.

– Драться будете, Сереж-ж-ж-ж-женька?

– Зачем драться? – удивился, будто искренне. – Прикончу тебя и всего делов.

– Не при-р-р-р-рикониш-ш-ш-ш! не смож-ж-ж-ж-жешь!

– Посмотрим, – скользнул вперед и ударил топором.

Существо ловко уклонилось. Топор врезался в столбик, поддерживающий крышу над крылечком, перерубив его. Сергей вновь замахнулся.

– Сережа! – на месте существа стояла Лена.

Сергей замер. Обрубок столба вдруг со страшной силой ударил его в живот, пробив насквозь. Миша увидел торчащие из спины наставника щепки. Сергей покачнулся, отступил, медленно завалился набок, поджав колени к животу и обняв себя руками.

– Вот так, – перед Мишей стоял улыбающийся Миша. – Вот теперь гораздо лучше, не находишь?

– Убей его, – прохрипел Сергей, – не слушай!

– Миш-ш-ш-ш-ш-ша, – Миша на крыльце задорно и радостно улыбался, – не слушай его. Убей его и мы будем вместе!

Миша очередью перечеркнул грудь двойнику. Двойник посмотрел на затягивающиеся дыры, из которых пошел черный дым, и весело засмеялся. Чувствуя, как волосы встают дыбом, Миша выпустил последние пули в голову.

– Миш-ш-ш-ш-ш-ша, ну зачем?

– Да что же ты такое?! – в отчаянии закричал парень.

Перед глазами все сузилось, будто вошел в тоннель. В ушах барабанами колотила кровь. Отбросив бесполезный АПС, Миша подхватил валявшийся под ногами топор. Слегка пригнувшись зарычал, оскалив зубы, и осторожно двинулся к двойнику.

– Ничего себе! – удивился тот, хлопнув себя правой ладонью по лбу, будто прихлопнув комара. – Наш Миша не так прост, как казалось. Как чемоданчик, с двойным дном оказался.

Миша не слушал, подбираясь к домику. Откуда-то, будто с другого конца страны, донесся слабый крик. И еще и еще. Миша раздраженно встряхнул головой. На миг вернулись прежние зрение и слух.

– Гранаты, – прохрипел Сергей, – бросай внутрь гранаты!

– Гранаты? – позабыв про желание рвать горло двойника зубами, переспросил Миша.

– Гранаты в домик бросай!!!

Лицо двойника исказилось, словно потревоженное отражение в воде тихого лесного озера. Уронив топор, выхватил ргдешки. Рванул чеку, перекусив хрустнувшими зубами кольцо и отправил РГД-5 в пасть двери. Странная мгла, поглотив гранату, слегка взбухла, булькнула и пошла волной. Миша отправил следом вторую гранату, потом яйца. Они также втянулись внутрь, канув бесследно. Мгла вспучилась трещинами, лопааясь изнутри, как корочка на ржаном каравае. Полыхнула яркая фиолетовая вспышка беззвучного взрыва. Домик исчез. Рванувшийся заполнить пустоту воздух схватил листья, вырвал пару досок из соседнего забора, швырнул вперед Мишу и перекатил Сергея. Раздался громкий хлопок.

Когда к глазам Сергея вернулась способность видеть, он увидел стоящего на коленях Мишу и странный предмет, висящий перед ним невысоко над землей. Присмотрелся: побелевшая от страданий оторванная голова сына вождя. Начинало светать, звезды потихоньку меркли. Туманные воронки исчезли. Откуда-то сверху робко, будто сама себе не веря, запела птица.

– Надо тебе было в «лумумбарий»³ поступать, – сплюнул в ладонь черную в лунном свете кровь, – не пришлось бы нам сюда ехать. А может и не случилось бы всего этого... Не потянула твоя примитивная магия против этой силы, тут подревнее зло оказалось...

Миша повернулся:

– Что теперь делать?

– Ты как Чернышевский: что делать, да что делать. Ничего делать ни надо, мы все уже сделали, – зашелся в долгом надсадном кашле. – Спустись к реке, приведи себя в порядок и топай к остановке, – достал сверток, бросил Мише.

– Что это?

– Деньги. Возьми их. Пригодятся.

– А вы?

– Мне недолго осталось...

– Может «скорую» вызвать? Должен же в домах наверху быть телефон? Я позвоню, они приедут.

– Поздно, – Сергей закашлялся. – Ты в гостиницу не возвращайся, опасно это. Едь прямо на вокзал, оттуда электричками. Еще лучше выбраться на рейсовом автобусе в любую соседнюю область. Оттуда доедешь на поезде и все расскажешь Егору Михайловичу. Он сделает тебе новые документы и поможет дальше. Не теряй времени. Оружие собери и иди.

– Но вы...

– Не спорь, солдат, это приказ, – перевернулся на спину.

– Вы же умрете!

– Ничего, все нормально... Иди...

Миша собрал в сумку разбросанное оружие.

– А с головой что делать? Я пробовал сдвинуть, она так и висит. Это же невозможно?..

– Как видишь. Ты времени не теряй, иди. Удачи тебе, парень.

Всходило Солнце. Из раннего троллейбуса вышел одинокий Миша и, не отбрасывая тени, зашагал к автовокзалу.

³ Народное название Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Попутчик

Рассказ был написан для Литературного турнира №2 клуба «Бумажный слон» в жанре мистика. Тема турнира «А может быть и не было меня». В финале занял третье место.

– Нет, все-таки напрасно вы туда едете, – Иван Иванович, так он представился, пристально посмотрел на нас и почесал порядком заросшую впалую щеку, – нехорошее там место.

Похожего на бомжа попутчика мы выбрали минут сорок назад, свернув с трассы на порядком разбитый проселок, и сначала он не вступал в дискуссию, которую мы вели с женой. Безучастно слушал наш разговор, но когда в разговоре мелькнула конечная точка запланированного на сегодня маршрута, внезапно подал голос.

– Что там такого нехорошего? – проявила вполне закономерный, ибо поездка на арт-полигон была ее идеей, интерес жена.

– Да бывал я там уже, с год назад, – достал из кармана серого потрепанного лапсердака пачку сигарет, – можно я закурю?

Я еще подумал, что как-то легко он одет, не по сезону. Жена поморщилась:

– Курите уж.

Приоткрыв окно, и периодически выпуская в него тонкую струйку дыма, он начал свой рассказ.

– Год назад, субботним осенним днем ехал я на это место. Только не на машине, а на заказном автобусе. Шестнадцать человек нас было, не считая водителя. Супруга с коллегами по работе поехала в экскурсионную поездку и записала меня, – при этих словах жена покосилась в мою сторону.

– Ехали мы долго, больше четырех часов. Два с половиной часа по федеральной трассе и часа полтора по разбитому проселку, где навигатор водителя постоянно терял сигнал GPS, о чем сообщал приятным женским голосом. А компания в автобусе подобралась такая, что многие из нас видели друг друга в первый раз в жизни. Кто-то из коллег с женой или подругой ехал, кто-то с парнем или мужем. Приехали. Место, конечно, красивейшее, но при этом отдающее какой-то первобытной дикостью. Скульптуры в лесу, строения непонятные, церковь полуразрушенная и кладбище при ней. Было на что посмотреть. Одно гигантское деревянное ухо, в котором мы сделали групповой портрет, чего стоит. Или проткнутое жердиной чучело косули, подвешенное среди деревьев на пятнадцатиметровой высоте. Возникало ощущение, что некоторые арт-объекты либо не совсем психически здоровые люди создавали либо без наркотиков не обошлось. Погода была чудесная, как раз начало октября – бабье лето наступило. Ходим мы, смотрим. Впрочем, на некоторую странность я обратил внимание сразу – возле многих скульптур мобильные телефоны не работали. Может быть из-за того, что в инсталляциях было использовано большое количество металлической арматуры, или из-за того, что они были расположены в каких-то геомагнитных зонах. Обратил и обратил – зачем может в лесу телефон понадобиться? А оказалось, что может, – он выбросил докуренную до фильтра сигарету и прикурил новую.

При этом я невольно обратил внимание, что обручального кольца на его правой руке не было.

– Побродили по лесам и перелескам пару часов, и тут заметили, что пропал парень Саша со своей девушкой. Мало ли, конечно, дело молодое – вдруг решили «дети асфальта» уединиться в осеннем лесу и предаться страсти. Благо, осенний лес того стоил. В грязном городе как-то отвыкаешь от такого буйства красок, которое дарит лес. Тут и желтый, и коричневый, и красный, и янтарный, и различные остатки зеленого. А на фоне чудесного голубого неба с редкими белоснежными облачками смотрелось это просто божественно. Опять же, две

недели до этого было холодно, и шли дожди, а тут вдруг тепло и ясно. Начальница жены, как организатор поездки, стала волноваться и периодически пытаться связаться с пропавшим парнем по телефону.

Как я уже говорил, с сетью творилось что-то неладное, так что это не помогло. А территория огромная, сами, наверно, на сайте видели? Сначала все отнеслись легкомысленно, но чем ближе к вечеру шло дело, тем больше стали волноваться. Дело в том, что после экскурсии были запланированы шашлыки, и порядком уставшим от ходьбы по пересеченной местности горожанам не улыбалось вместо поедания мяса искать в ночном лесу пропавших товарищей. Тем более, не забывайте, что нам до дома еще надо было четыре часа «пилить» по ночной трассе. В половине четвертого, взобравшись на один из арт-объектов, стали решать, что делать дальше. Варианты были либо пойти по второму кругу по пройденным объектам и искать пропавших, либо идти в автобус и ждать их там, либо продолжить экскурсию, благо еще почти половина комплекса была не пройдена. После открытого голосования было принято решение пройти по максимуму оставшуюся часть, по пути пытаясь связаться с пропавшими членами группы по телефону, а шашлыки жарить уже когда стемнеет.

Еще полтора часа блужданий привели в исходную точку маршрута, неподалеку от которой ждал автобус. Решили разделить: три человека вновь отправились по маршруту в надежде найти пропавших в том месте, где их видели последний раз. Остальные, вслух ругая Сашу, отправились к автобусу. Водитель сказал, что несколько часов назад Саша приходил к автобусу, и почти сразу ушел опять. Начальница, Алена ее звали, попыталась позвонить ушедшим и вернуть их, но связи с ними не было, – очередной окурок отправился за окно. – Тут еще стали выяснять, откуда вообще взялся Саша, и оказалось, что никто толком этого не знает. Каждый думал, что он работает в другом отделе, а некоторые вообще ни его, ни его девушки не помнили.

– Ждали возле автобуса до утра. Утром доехали до города и сообщили в полицию о пропавших людях. Естественно, что к приехавшим издалека туристам полиция отнеслась без должного внимания, тем более, что ночью, чтобы не замерзнуть, мы значительно проредили запасы спиртного. Повезло, что бывший среди нас муж одной из экскурсанток оказался сотрудником МЧС, и сумел уговорить помочь своих местных коллег. Были организованы поиски, к которым примкнули оставшиеся мужчины группы, пять человек. Всех женщин было решено на автобусе отправить домой. Часа через полтора жена позвонила мне и сказала, что добрались до трассы и встретили там пропавшего Сашу. Потом связь прервалась, – надолго замолчал, глядя в окно.

– Все нормально завершилось? – прервал я затянувшееся молчание, глядя на Ивана Ивановича в зеркало заднего вида.

– И как Саша там очутился? – внесла свою лепту обрадованная счастливым завершением истории жена.

– Они попали в аварию на трассе. В автобусе никто не выжил. Среди семи обгоревших трупов в автобусе был лишь один мужской... труп водителя. Что самое странно, ехали они по трассе в противоположном от нашего города направлении. Почему, зачем – теперь уже никто не скажет, – опять замолчал и молчал до тех пор, пока на обочине не показался домик регистрации.

– Следов Саши среди коллег жены я так и не нашел. И никто из нас, оставшихся в живых, так и не смог его толком вспомнить. Полиция пыталась для виду вести какое-то расследование, но быстро умыла руки. Что там расследовать? Пропажу двух людей, которых толком никто не мог описать, и про которых не ясно, были они в автобусе или нет? Или пропажу троих других, которые вполне могли заблудиться в лесу? Или банальную аварию, каких случается по паре на неделю? Кому это надо? Правда, нам удалось, через друзей в компании сотовой связи, достать распечатку телефонных звонков Алены. Номер, по которому она звонила, при-

надлежал человеку, пять лет назад пропавшему без вести. Александром его звали. С тех пор телефон был недоступен, а вчера появился сигнал – из этого района. Вот так. Спасибо, высадите меня перед рецепшеном.

Я остановил машину и помог вынуть из багажника две объемистые спортивные сумки, в которых что-то тихо поплескивало.

– А на групповом фото в ухе Саша был? – внезапно «осенило» меня.

– Не знаю, фотоаппарата, на который мы снимались в ухе, в автобусе не нашли. Скорее всего, кто-то из спасателей или свидетелей забрал себе. Уезжали бы вы отсюда, – пристально посмотрел на меня, закидывая ручки сумок на плечи и повернулся к лесу. – Прощайте.

Место действительно было потрясающее. Трудно описать словами все буйство человеческой фантазии воплотившейся в этих раскиданных по лесу арт-объектах: гигантских фигурах из металлической арматуры, старого дерева и лозы. До вечера мы с женой бродили среди них, чувствуя себя Алисой в стране чудес и наблюдая такое же выражение на лицах довольно многочисленных посетителей. Но надо признаться, после впечатления от рассказа нашего случайного попутчика окружающий пейзаж потускнел и выцвел как старая фотография, и радость от необычной поездки как-то отошла на второй план.

Чувствовалось что-то зловещее во всех этих объектах: в гигантских деревянных пауках и насекомых на крыше расположенного возле церкви сарая; в умирающих бабочках, бессмысленно бьющихся о стекла кем-то украденной подсветки скульптур; в подвешенном чучеле оленя – жена, натура крайне чувствительная, даже не пошла смотреть на инсталляцию, сказав: «Это нехорошее, темное место»; в трухлявом дереве большинства объектов. Ощущался во всем какой-то потусторонний сквознячок, как из кем-то вскрытой свежей могилы. Статуи деревянных оленей и те дышали какой-то ущербностью и обреченностью. Даже бар «Веселый паралитик» не смог привлечь нашего внимания. К вечеру, когда на лес стали опускаться первые сумерки мы, не сговариваясь, решили ехать домой, хотя до этого планировали переночевать в одном из гостевых домиков. Когда мы добрались до трассы и остановились перевести дух и размять ноги после полуторачасовой тряской, наше внимание привлекло зарево, встававшее в той стороне, откуда мы приехали.

Потом в новостях мы прочли о сильном пожаре, вспыхнувшем из-за поджога одновременно в пяти местах и практически полностью уничтожившем парк. Когда я прочел об этом, мне почему-то вспомнились вместительные сумки нашего странного попутчика, и я представил, сколько бутылок жидкости для розжига костров могло бы в них поместиться.

Странная история (конкурсный вариант)

Новелла написана для СИ конкурса «Нереальная Новелла 2017».

Выставлялась также на конкурс «Антология ужасов».

Прочитал и подумалось: – «Не оскудел Самиздат талантами!» Не подкачал автор – и сюжет замечательный и написан так, что не оторваться. Как бы жена не звала на кухню, чтобы помочь ей в чём-то. Про деревенские «страсти-мордасти» мне так же, как и автору, не понаслышке известно. Приходилось быть свидетелем подобного. Но участником – никогда. Как-то без меня всё случилось: то опаздывал бывало, то уезжал раньше времени. По всему видать берегли меня «нечистые силы». А то, что существует подобное, в это верю. И в рассказ написанный верю. В то, участником чего оказался мальчонка-несмышлёныш. Который донёс до нас историю, приключившуюся с ним в детстве и следующую попутно на протяжении жизни. Что хочу сказать вам, кто прочитал, но выводов не сделал. Помните сказано в писании: – «Не приемли имене Господа Бога твоего всуе!» Он, если поминать его без надобности, может не откликнуться, если позовёте, когда нужда приспичит. Так и «нечистой» – не след тревожить её, ибо сказано: – ««Не буди лихо, пока оно тихо». Нарушили ребяташки завет этот и вот, что из этого получилось. Даже вспоминать боязно. А почему произошло такое? Потому, что веру в слова старших потеряли. Думали, что сказки всё это. А на поверку вот как обернулось. Отсюда следует: – «Почитай своих родителей словом и делом, люби их и заботься о них. В этом откроется, как заря, благословение Божье – мир в сердце, долголетие...». Да, что это я вам проповеди читаю. Откройте скрижали Моисеевы и учите самостоятельно. И читайте написанное всегда и везде. А то приключиться с вами то-самое, что с ребятами в рассказе приключилось. А вам это надо? То-то же! Спасибо за науку автору не забудьте сказать.

Грошев-Дворкин Евгений Николаевич

Когда я был маленьким, со мной произошла довольно странная история, научившая меня не совать нос, куда не следует. Случилось вот что. В конце апреля одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года, гулял я со своими друзьями: Андреем, по кличке Пончик, и Аркашей. Детьми еще совсем тогда были. Несмышлёныши, можно сказать. Впрочем, ныне в России и многие взрослые не многим смысленнее нас в детстве. Андрей мой ровесник, а Аркаша на два года старше нас. Они оба родились в этой деревне, а я приехал из другой, но это нисколько не мешало нашей дружбе.

Скучая, мы прошлись по дороге, асфальтовой петлей охватывающей фруктовый сад, где стоял наш дом. Дошли до совхозной фермы, за которой тянулся лес.

– Может, в лес сходим? – предложил Аркаша. – Я там еще ни разу не был.

– Да что там может быть интересного? – спросил Андрюха.

– Да что угодно!

– Пойдёмте лучше на карьер! – возразил Пончик.

– Бойтесь? – Аркаша посмотрел на нас снисходительно и добавил: – А чего мы на карьере не видели?

– Кто боится? Мы?

Признаваться в том, что в лес идти боязно, совершенно не хотелось.

– Пошли в твой лес, – сказал я. – Только аккуратно надо, чтобы мать не узнала.

Мать была весьма строгая и если бы узнала о походе в лес, то, как минимум устроила бы мне месяц домашнего ареста. Хотя, если бы узнала про поход на карьер, то влетело бы мне нисколько ни меньше.

– Мне тоже попадет, если мать узнает, – Андрюха всегда был солидарен со мной.

– Не бойсь, не узнает! – авторитетно уверил Аркаша. – Главное, чтобы с фермы нас никто не заметил.

– Ну, пошли, – согласился я. Шансов быть замеченными кем-то в лесу было гораздо меньше, чем на карьере.

Мы осторожно прокрались мимо фермы и углубились в лес. По лесу тянулся овраг, разделявший нашу деревню на «старую» и «новую». «Старую» деревню построили еще при Сталине, и она пережила Вторую мировую войну. Новая же, из щитовых домиков, обложенных кирпичом, строилась на наших глазах. Потом она разрослась, обзавелась несколькими длинными улицами. Но это было уже потом. Изначально же получилось две примерно равные части, рассеченные оврагом с протекающим в нем неглубоким ручьем. Ручей тек из старого пруда, отделенного дамбой от озера, выкопанного дорожными строителями. На противоположном от озера конце ручья, за фермой был тот самый лес.

В призывно блестящем свежими сочными листочками лесу мы обнаружили сруб из потемневших от времени бревен. И что самое интересное, ни окон, ни дверей в срубе не было совершенно. А крыша этой странной хижины была двускатная, крытая заросшей мхом и лишайником дранкой. Клеть эта видом своим вызывала мысли о весьма почтенном возрасте.

– Прямо избушка на курьих ножках!

– Только вот ножек что-то не видно.

– Пойдем отсюда? – предложил я. – Что тут интересного? Сарай какой-то.

– Сарай так не строят, – солидно заявил Аркаша. – Это другое что-то.

– Может, тут мельница была? Или кузня, – предположил Андрюха. – В них окон не делают.

– А двери где? Дверей тоже не делают в кузнях?

– А двери с другой стороны, – не сдавался Андрюха.

Мы обошли непонятную постройку со всех сторон, но никаких дверей не нашли.

– Может, это немцы построили, во время войны? – высказал догадку Аркаша. – Слышали же пословицу: что русскому хорошо, то немцу погибель.

– Не слышали, – признался Андрюха.

– Вот пойдете в школу, там и услышите.

– А что, немцы без дверей живут? – не поверил я. – Немцы, что, по-твоему, не люди?

– Может и живут. Кто их знает. Ты много немцев видел?

– Я нет.

– И я нет, – пожал плечами Пончик.

– Вот видите, – торжествовал Аркаша. – Немцев не видели, а спорите. Немцы же не такие, как русские.

– Можно подумать, что ты много немцев видел, – обиделся я.

Зазнайство Аркаши, который уже учился в школе, начинало меня раздражать.

– Видел! У деда на фотографии, – победно объявил он. – У него несколько фотографий с войны.

Мы с Андрюхой промолчали, не зная, что на это возразить.

– Вдруг фашисты тут во время войны построили амбар или лабаз! Или для пленных партизан карцер – поэтому и без дверей. Надо поискать вокруг. Глядишь, чего и найдется интересного!

Побродили вокруг да около, помочились, по детскому обычаю на угол этой непонятной постройки. Вот тут и случилось что-то странное. После акта мелкого хулиганства, которое в том нежном возрасте актом хулиганства вовсе не являлось, откуда-то из-под крыши дома вылетел стукот то ли тумана, то ли дыма. Не могу точно описать, что это было. По плотности похоже на туман, а по форме – на вытянутый язык дыма или пламени.

И это, сохраняя форму вытянутого языка дыма, облетело вокруг постройки и подлетело к вербе. А дальше, просто втянулось в ветку вербы. Прямо как шмыгнуло в ветку. Трудно подобрать слова, если честно. Как если струйка дыма от горящей веточки идет, расширяясь в стороны – снять это на киноплёнку и промотать бы в обратную сторону. Вот тогда будет очень приблизительно похоже на то, что видели мы.

– Что это такое было?

Обалдевшие, постояли, глядя на всё это.

– А я откуда знаю?

– Видел, как в ветку втянулось?

– Ага.

– Думаешь, оно в ветке?

– Сейчас посмотрим!

Мы сломали ветку и перочинным ножом Аркаши расщепили ее, пытаясь понять, что это такое было. Ветка как ветка. Ничего сверхординарного.

– Нечистое тут дело, – вслух высказал общее мнение Аркаша.

– Пошли отсюда, – предложил я.

– Да, пора делать ноги, – поддержал меня Андрей.

– С вами каши не сварить! – Аркаша бодрился, делая вид, что ему не страшно, и он уходит лишь потому, что уступает нам. – Всего вы боитесь! Как дети малые!

Не отвечая на обидные реплики, мы ускоренным шагом покинули лес, больше не заботясь о том, увидит нас кто-то или нет. Тем более что, уже начало вечереть, и лес в ранних весенних сумерках казался каким-то неприветливым и даже зловещим. Спешно идя обратной дорогой, мы встретили Бырю, шофера ЗИЛа, жившего неподалеку от этого леса.

– Здорово, шпана, чего такие заполошные? Курили небось? – подозрительно посмотрел на нас.

– Здравствуйте. Нет, мы не курим, – мы поспешили обойти его.

Оглянувшись, я увидел, что он как-то слишком пристально смотрит нам вслед.

– Пацаны, что-то он как-то смотрит на нас. Как бы родителям не рассказал, – заволновался я.

– Не обращай внимания, он странный слегка, но безобидный – успокоил Аркаша, – живет один, ходит в лес с деревьями разговаривать.

– Понятно, – сказал я, а сам подумал: «Ничего себе – безобидный!».

– Дома не трепитесь, – предупредил Аркаша. – Я у деда про сарай спрошу, он должен знать, что это такое в лесу.

После мне стал сниться непонятный туман. Стоило заснуть, как передо мной вставал странный сарай и лес, постепенно затягивающийся туманом. При этом возникало странное чувство непонятного страха. И так до тех пор, пока не просыпался, задыхаясь застрявшим в горле беззвучным криком.

Аркаша завтра пришел молчаливый и на эту тему говорить не желал. Лишь через пару дней он скупно рассказал нам, что дед на расспросы его выпорол и запретил приближаться к лесу.

– А мне тот туман снится, – сказал я.

– И мне тоже, – глядя в сторону подтвердил Андрюха.

– Мне тоже снится, – признался Аркаша, – но лучше никому про это не говорить. Нечистое там что-то, в срубе этом.

Потом и брат стал украдкой жаловаться на непонятные страшные сны.

– А что приснилось то? – расспрашивал я.

– Не помню. Туман какой-то летает и страшно очень, – жаловался он.

Первого мая наша семья (я, младший брат, мать и отец) поехала в деревню Почаевка. Родители решили там отпраздновать Первомай в компании с сестрой отца – тетей Ниной, ее мужем Василием и дочкой Лариской. Во всей округе они были нашими ближайшими родственниками. К ним на праздники еще бабушка приехала, и отец очень хотел с ней повидаться. Выехали засветло. Не успели проехать по шоссе двенадцать километров, отделяющих нашу деревню от крупной трассы, как отец встретил кого-то на поле. Они там отмечали праздник.

Папенька на пару часов к ним присоединился, правда, пить отказался, что совершенно на него не было похоже, но тогда он еще не злоупотреблял алкоголем. Начало уже темнеть, когда мы тронулись в дальнейший путь. Доехали до трассы. Спокойно поехали по ней. Там минут сорок пути. Уже почти подъезжали к Почаевке. Было совсем темно. Я сидел на заднем сидении рядом с младшим братом.

Оглянувшись и в свете фар едущей следом машины увидел ступок тумана, летящий за нами. Минут тридцать эта странная туманная струя тянулась следом.

– Паш, ты что-нибудь видишь сзади машины странного? – решил проверить себя.

Он, наморщив лоб, пристально всмотрелся в заднее стекло.

– Туман какой-то за нами летит. Мне такой же снился, – испуганно сказал он.

– Не бойся, мы его уведем от деревни, и он не найдет обратную дорогу! – продолжая следить за странным явлением, обрадовал брата я.

Потом наплывающий со спины свет, удар и темнота. Когда очнулся, то только зеленый огонек на приборной панели светился и очень болел живот.

Грузовик вылетел на встречную полосу, и лоб в лоб столкнулся с нашей машиной. Что удивительно, за рулем машины оказался Быря. Что еще удивительнее, кроме меня в этой аварии никто не пострадал. У меня же двойной перелом левого бедра, левое колено разбито, и все лицо посечено осколками стекла. Врачи еле спасли левый глаз. Зато отец радовался, что не выпил на поле, а то бы тоже под суд попал. Прямо ликовал весь.

Благо, в Почаевке была больница, куда меня и довезли на какой-то машине, остановленной отцом. Я долго пролежал в этой больнице. Потом меня выписали и еще дома полгода в гипсе лежал. Вся левая нога загипсована, от ступни до таза. После того, как гипс сняли, еще почти год ходить не мог. Постепенно научился с костылями перемещаться. Потом начал ползать и вставать на одном месте, а однажды сумел сделать шаг и с тех пор ходил. Только шрамы на лице остались на всю жизнь, да колено время от времени напоминает о себе болью.

На суде Быря вообще не смог объяснить, как и зачем он там оказался. Не помнил совершенно, ни как машину брал, ни зачем туда поехал. А это сорок минут езды от нашей деревни, тем более без путевки и на трассе, где ГАИшники шастают. Говорил на суде, что лег спать дома, а очухался уже за рулем, и видел только сильный туман, а встречной машины не видел в тумане совсем, хотя ни отец, ни мать тумана никакого не видели. А брата из-за его малолетства и потрясения от аварии про туман никто и не спрашивал.

Учитывая «активное сотрудничество со следствием» и «раскаяние в содеянном» водителю дали то ли пять, то ли шесть лет. На зоне с ним какой-то несчастный случай произошел, и он не вернулся в деревню. Там и похоронили где-то его, вдали от родных мест.

Когда меня привезли из больницы, то я узнал страшную новость о нелепой гибели Аркаши. Той ночью, когда мы попали в аварию, он полез на комбайн за аккумулятором. Не знаю, зачем ему понадобился этот неподъемный ящик. На свинец собирался перетопить? И с комбайна сверзился с аккумулятором в руках. Голова между асфальтом и аккумулятором. Кто представляет себе комбайн, тот поймет, что после такого падения от головы остается. Хоронили Аркашу в закрытом гробу. Мне родители не рассказывали, а вот пришедший навестить Пончик выложил с порога.

Через несколько лет мы с Андрюхой, повзрослев и набравшись смелости, опять пошли в тот таинственный лес, надеясь понять, что же произошло тем апрельским днем. Никаких сле-

дов сруба там не было. Когда у старожилов стали расспрашивать, то все отнекивались и советовали не касаться этой темы. Не касаться, так не касаться, тем более тем и других тогда хватало. Урок был воспринят мною в полной мере – если просят не лезть не в свое дело, то лезть туда совершенно не стоит.

А вот Андрюха не успокоился, и продолжал приставать к старикам с расспросами. Через пару дней он внезапно умер во сне. Причиной смерти врачи назвали врожденный порок сердца. Когда я смотрел на тело друга, лежащее в гробу, то ясно понял, что потревоженное нами нечто не успокоится на этом. Нам с братом после похорон Андрюхи опять начал сниться непонятный пугающий туман. Но теперь в нем, скрываясь по пояс, стояли мертвые Аркаша с Андреем и звали меня к себе.

Через неделю умер дед Садовников. Его дом стоял по улице следующим за пустым домом Быри. Я понял, что туман на этом не успокоится и будет убивать одного жителя деревни за другим. Пытался рассказать родителям, предупредить о грозящей опасности, но меня не слушали. А потом умер брат. Просто задохнулся во сне. Теперь родители меня наконец-то внимательно выслушали. Выслушали настолько внимательно, что следующие полгода я раз за разом рассказывал эту историю врачам в психиатрической больнице в областном центре. По правде говоря, там под действием лекарств, туманящих сознание, я и сам стал все меньше и меньше верить в эту историю. Тем более что, туман мне сниться перестал. Консилиум признал мое состояние стабильным и меня выпустили из опостылевших стен этого «дома скорби».

Забирали меня оттуда тетя Нина с мужем. От них я узнал, что семьи у меня больше нет. Родители сгорели в пожаре. Он начался в том самом лесу, и огонь перекинулся на деревню. Сгорели дома Быри и деда Садовникова. Из людей, кроме моих родителей никто не пострадал. Причиной возгорания послужил совхозный бензовоз с заполненной под завязку цистерной, на котором отец въехал в лес. В деревню я потом попал очень не скоро, только когда выпустился из детдома. Приехал посмотреть на ветшающий дом и побывать на могилах брата и друзей. На месте пожарища был лишь молодой древесный подрост, выросший на пепле погибших родителей и пышные заросли иван-чая.

Убить дракона

Пять часов утра не лучшее время для размышлений – не лучшее и не худшее, но думать совершенно не хотелось, поэтому я монотонно долбил макивару⁴, привязанную к дереву, наслаждаясь утренней тишиной. Удар, еще удар. На задворки сознания проник шум мотора. Машина остановилась метрах в двухстах, водитель, не гася фары, несколько раз посигналил. Фары погасли, раздался хлопок дверцы. Пока человек грузно хрустел свежим снегом ко мне, я взял висевший на ветке домино⁵ и надел на обнаженный торс.

– Бог в помощь, – негромко сказал, не дойдя до меня пары шагов.

– Олег, пять утра. Все нормальные люди спят. И вообще, сколько раз я просил не упоминать имя господа всуе?

– Просил, – не стал отрицать. – Извини, что побеспокоил, но дело срочное.

– Если бы ты только знал, сколько раз я слышал эту фразу... Что там, опять кто-то должен мне деньги?

– Нет, просто один человек просит помощи...

– Обратился к нам человек некий... Помощи просит? И ты срываешься в пять утра помогать?

– Это мой брат двоюродный. У него большие проблемы.

– У всех большие проблемы в этом мире. А у тех, кто рвется решать чужие проблемы, проблемы становятся еще больше.

– Его невесту похитили.

– Есть полиция, пускай обратится туда.

– В полицию он не может обратиться. Она его самого разыскивает...

– Олег, помощь преступникам еще никого до добра не доводила. Езжай с миром, сдай его в ближайший участок и найми ему хорошего адвоката. Или попробуй через свои связи в полиции решить.

– Я только прошу тебя выслушать его и все. Потом мы уедем.

Я с сомнением посмотрел на небо и натянул капюшон.

– Ладно, зови.

Он протопал обратно к машине и вскоре вернулся с парнем лет двадцати, лицо которого украшали здоровенный синяк под левым глазом и рассеченная губа.

– Здравствуйте, – поздоровался парень.

– И ты не болей. Что стряслось?

– Понимаете, такое дело. Я двоюродный брат Олега, давно его не видел, живу в городе Демлянск, работаю на заводе инженером, а тут объявили праздник двадцать шестого декабря и мэр...

– Давай короче, – подняв ладонь, остановил его. – Не стоит тратить чужое время.

– Короче?

– Да, короче. Что в моих словах непонятно?

– Мэр приказал полиции забрать мою невесту, чтобы принести ее в жертву на площади! – на одном дыхании выпалил он.

– Как ты сказал, зовут вашего мэра?

⁴ Макивара (яп. 藁, «скатанная солома») – тренажёр для отработки ударов. Традиционная макивара представляет собой связку из соломы, прикреплённую к упругой доске, вкопанной в землю. В данном случае макивара в виде подушки из козла, наполненной пенополиуретаном, привязанной резиновыми тязами к дереву.

⁵ Домино (итал. domino, от лат. dominus – господин), плащ с капюшоном – зимняя одежда католического духовенства

– Драго. Он серб и... – хруст ломающегося дерева заставил его замолчать. Он потрясенно смотрел на мой левый кулак, с которого на снег капали черные капли крови. Снег под каплями шипел и испарялся.

– Макивару жалко, я ее сам сшил.

– Я куплю тебе новую, – поспешил пообещать Олег.

– Не надо, такой не купишь. Поехали, завезешь меня домой, мне надо собраться, – взял прислоненную к стволу трость и похромал к машине.

Дорога до Демлянска заняла три часа, проведенных в тишине. На подъезде к городу Олег неожиданно включил радио.

– Чудо святого Николая – 2016 Санта-Клаус мгновенно исполнил просьбу девочки. В одном из американских супермаркетов городка Гриндейл, что в округе Милуоки, девочка рассказала на ухо мучивший ее «секрет». Девочка попросила Санту, который традиционно встречает детей в крупных торговых центрах США перед рождественскими праздниками, чтобы отчим к ней больше не домогался. Санта поблагодарил девочку за доверие и через секунду бросился на стоявшего неподалеку 38-летнего отчима девочки, который думал, что Санта собрался поделиться с ним секретом падчерицы. После того, как отчим упал на пол, Санта и примкнувшие к нему шесть эльфов, начали избивать развратника, сопровождая свои действия неприличными криками, – бодрым голосом дебила возвестил ведущий.

– Выключи эту муть, – не выдержал я. – Мир сошел с ума: педофилы, Санты, откуда-то взявшиеся эльфы. – Как тебя зовут? – обратился к съездившему на заднем сидении парню.

– Слава.

– Полиция тебя ищет?

– Да, когда они пришли за...

– Довольно. Как говорил герой одного фильма, город новый, а история старая. И ты даже не представляешь, насколько старая.

Въезд в город перекрывали две машины полиции.

– Олег, у тебя ксива какая-нибудь есть? – поинтересовался я.

– Думаешь, поможет?

– А ты попробуй. Если не съедим на базаре, то будем валить наглухо.

– Полицию?

– Ты же хотел помочь брату? Вот и помогай! А ты, Славик, заляжь и не высывайся.

Навстречу походкой вождя папуасов шагнул раскормленный полицейский в капитанских погонах.

– Всем выйти из машины! – направляя на лобовое стекло АКСУ, распорядился он.

– А что случилось, капитан? – приспустив стекло и махнув красной «корочкой» поинтересовался мой напарник.

– Выйти из машины! – четыре автоматных ствола, направленных на нас, уверенности не прибавляли.

– Капитан, ты чо не понял, на кого голос повышаешь? – начал закипать Олег.

– Выйти, я сказал! – передернутый затвор подтвердил, что шутки закончились.

– Выходим. Работай капитана, я остальных, – вполголоса скомандовал, открывая дверь и начиная неспешно выбираться из машины.

Олег хлопнул дверью. Несмотря на значительные габариты, когда надо двигаться он мог очень быстро, опыт занятий классической и вольной борьбой, очень этому способствовал. Выбравшись, я посмотрел на полицейских. Они невольно уставились на меня в ответ. Оно и понятно, не каждый день встречаешь монаха в подпоясанном толстой веревкой изрядно поношенном плаще с капюшоном.

– Что вы хотели, дети мои? – спросил, тяжело опершись на трость, и сделав неспешный шаг вперед.

Слева краем глаза ухватил мелькнувшее тело. Олег взял капитана в борцовский захват, вырваться из которого не было практически никакой возможности. Треск ломаемой шеи, стволы мучительно медленно начинают сдвигаться в его сторону, а я срываюсь с места. Длинная очередь из автомата уже мертвого капитана уменьшила численность противников еще на двоих. Оставшихся сержанта и рядового убил я.

– Стволы в машину, тачки отгони и потом опять перекрой проезд. Славик, помоги брату!

Сзади раздались странные звуки. Это рвало Славика.

– Ничего, привыкнешь, – утешил Олег, садясь в полицейскую машину.

– Вы что, их убили? – слабым голосом поинтересовался Славик.

– Он debil? – в свою очередь поинтересовался я у Олега.

– Шок, – кратко ответил Олег.

– Слава, садись на переднее сиденье, будешь дорогу показывать, – сгружая собранное оружие в машину, распорядился я.

Мы двинулись дальше по городу, слушая указания потрясенного Славика:

– Налево. Прямо. Прямо. Налево. А теперь до конца. Там будет площадь, а на ней здание мэрии.

– У вас всегда так малоллюдно? – оглядывая пустые улицы, поинтересовался я.

– Просто все на работе сейчас. Без разрешения покидать рабочее место никому нельзя.

– Трудовая дисциплина, – усмехнулся Олег.

Машина выехала на площадь, которую лениво чистили сразу три снегоуборочные машины.

– Вишь, и улицы у вас убирают, – продолжал Олег, притормаживая возле большого здания с двумя входами. Судя по большим вывескам золотого цвета за левым входом была мэрия, а за правым – банк.

– Ну что пошли, – мы вылезли из машины. – Олег, АКСУ возьмешь?

– Нет, я лучше со своим, – открыл багажник, извлекая помповое ружье Моссберг 500А. – А ты?

– Нет, не люблю эти «коротыши». Я по старинке, – опираясь на трость, захромал вверх по ступенькам. – Славик, возьми хоть ты – прикроешь с тылу, если что.

Двое охранников ЧОПа, стоявших возле рамки металлоискателя изумленно вылупились на нас. Я прошел между этими соляными столбами и двинулся к рецепшену. Сзади раздались два глухих удара – с таким звуком приклад врезается в череп.

– Мы к мэру, – любезно сообщил сидящему за стойкой существу неопределенного пола.

– Э-э-э, вам назначено?

Конечно, – из-за моей спины появился ствол ружья и ласково уперся существу под нижнюю челюсть. – Мэр с нетерпением ждет нас.

– П-п-п-проходите.

– С-п-п-п-си-бо, – передразнил Олег. – Славик, работай!

Вновь мелькнул откинутый приклад.

– Неплохо держишься, – похвалил я Славика.

– А то, он же тоже борец. Только в легком весе вольник, – объяснил Олег.

Просторный лифт поднял на второй этаж. Напротив распахнувшихся дверей были монументальные дубовые двери приемной.

– Сначала вхожу я, вы за мной, – приоткрыв дверь, я скользнул вовнутрь. – Открыли ли вы сердца свои Господу? – осведомился у секретарши пошлой модельной внешности и гориллы, по недоразумению упакованного в дорогой костюм, совершенно ему не идущий.

– Чего? – угрожающе поинтересовался горилла, делая шаг от двери кабинета мне навстречу. – Кто тебя пропустил сюда, убогий?

Взгляд его переместился мне за спину, и я не стал терять времени даром. Мощный удар тяжелым ботинком со стальным носком в пах заставил его издать нечленораздельный вскрик и согнуться. Я сделал шаг назад и вновь ударил правой ногой навстречу сгибающемуся обзьяну, на этот раз в челюсти.

– Мэр принимает?

– Туда нельзя, там совещание, – полузадушенно пискнула секретарша.

– Ша, а то сейчас рядом с ним ляжешь, – погрозил столом Олег, проходя к дверям. – Прошу вас, святой отец.

Я вошел в распахнутую дверь. Он сидел во главе длинного стола – грузный и оплывший плосколицый человек в темных очках. Остальные видимо были городской элитой: полицейский генерал, армейский полковник, осанистый священник и еще какие-то персонажи.

– Все вон, – негромко сказал я в наступившей тишине.

– Ты, кто такой и что себе, б..., позволяешь? – первым пришел в себя полицейский. – Да я тебя...

Заряд картечи, угодивший в грудь, заставил его заткнуться.

– Вон, – откинув капюшон, повторил я. На этот раз возражений не последовало. – Олег, присмотрите там за ними. Если что – валите наглухо.

Мы остались в кабинете вдвоем. Он неспешно снял очки, блеснув черными вертикальными зрачками в желтых глазах, и трижды лениво хлопнул в ладони, аплодируя:

– Нашел меня все-таки. Молодец.

– А тебе нечего было высовываться. Сидел бы в своем болоте и не лез, куда не следует.

– Все такой же непримиримый? Может, выпьем за встречу? А?

– Не стоит.

– Жаль, хотелось продлить приятный миг, перед тем как расстанемся. Может, поговорим? – он явно издевался надо мной.

– Нам не о чем разговаривать.

– Почему же не о чем? Столько лет не виделись и не о чем? Я вот мэром стал, прошу заметить, всенародно избранным, а ты чем сейчас занимаешься?

– А я долги выбиваю.

Он клекочуще рассмеялся, тряся набухшим зобом:

– Выбиваешь долги? Получается, служишь Мамоне? Так чем тогда ты лучше меня?

– Чем лучше? Хотя бы тем, что не требую приносить мне в жертву девушек.

– Какая мелочь, – пренебрежительно отмахнулся широкой ладонью. – Люди убивают друг друга пачками, а тут одна девушка в год.

– Хватит болтать, – повернул ручку трости и со звоном из ее конца выскочил длинный острый клинок.

Положив трость на стол, стал развязывать веревку.

– Ты собираешься убивать меня этой зубочисткой? – он встал из кресла, оказавшись как минимум на две головы выше меня. – Все такой же? Кодекс чести, всегда говорить только правду и все дела?

– Угу.

– Самому не смешно? – одним движением разорвал костюм и сорочку на груди. – Пытаться убить меня этим шилом?

Расправил свернутые вокруг тела крылья. Крупные чешуйки, покрывавшие мощный торс, и впрямь выглядели несокрушимыми. Я бросил веревку на пол и, сняв плащ, повесил на спинку кресла. Он снял перчатки, обнажив лапы с мощными когтями.

– Человеческая кожа? – спросил я, кивнув на перчатки.

– Да.

– А с лицом что делаешь? Грим?

– Немного пластической хирургии, немного искусственной кожи, немного грима, – лениво обошел стол, приближаясь ко мне. – Еще не поздно передумать. Я собираюсь стать губернатором, а тебе могу оставить этот город, идет?

– Спасибо, не стоит, – взял в левую руку трость, нацелив на него, а правой выдернул из-за спины заткнутый за ремень джинсов двустольный обрез десятого калибра. – Святой Архангел Михаил, вождь небесных легионов, защити нас в битве против зла и преследований дьявола. Будь нашей защитой!

– Ты что, совсем тронулся? – хохотал, глядя в стволы. – Забыл, что свинец не берет нашу броню. Вот поэтому мы и правим этим миром, что вы, фанатики со своим богом, не желаете развиваться. Где твой бог? Людям он давно не нужен!

– Да сразит его Господь, об этом мы просим и умоляем. А ты, предводитель небесных легионов, низвергни сатану и прочих духов зла, бродящих по свету и развращающих-души, низвергни их силою Божиею в ад. Аминь, – спустил курки.

Хохот прервался, дракон смотрел на дымящиеся струи крови, хлещущие из ран в животе.

– Но как? Как?

– Технические алмазы вместо картечи, – ухватив трость двумя руками, с силой вонзил клинок ему в сердце, – хрупкие, но для вашей брони самое то. А ты говоришь, не желаем развиваться.

Провернул клинок, глядя как от боли сужаются черные зрачки. Пара резких движений и в разрезе показалось еще бьющееся черное сердце. Вырвал живой дымящийся комок, подошел к окну. «Убивший дракона сам становится драконом» – подумал, жадно откусывая первый кусок сердца, с интересом рассматривая город. Текущая из разорванного когтями врага левого предплечья кровь постепенно из черной становилась красной, а окружающий черно-белый плоский мир обретал краски и объем.

Говори

Рассказ был написан для конкурса «Нео-нуар 2017»

Проникнуть в подъезд дома не так уж и сложно. Оденьтесь в униформу работника горводоканала или ремонтника лифтов; обзаведитесь удостоверением пожарного инспектора или смотрителя зданий и сооружений, нацепите потертую сумку почтальона, и любая самая бдительная консьержка из бывших ГБ-шных сексотов вас с удовольствием пропустит внутрь. С замками на двери я справился довольно быстро. Не зря же с самого детства с ними возился. Да и бывшие зеки, рядом с которыми прошло мое детство, тоже многому научили. Натянув вынутые из кармана бахилы на обувь, я тихо скользнул в квартиру. Чистота и аккуратность при такой работе зачастую важнее даже чем оружие. Тем более что, оружия у меня с собой не было. Во всяком случае, того, что даже самый отмороженный сотрудник полиции мог бы принять за оружие.

Повесив куртку и сумку на вешалку в прихожей, не спеша обошел всю квартиру. Да, живут же люди. Так как имитировать кражу не было необходимости, то обыскивать не стал, только взял стоящий в серванте широкий хрустальный бокал. Вернулся в прихожую, забрал куртку с сумкой и сел на кухне. Судя по распорядку дня, которого более-менее придерживался объект, ждать мне оставалось часа полтора-два. А я никуда и не спешил. Воткнув в левое ухо наушник мобильного телефона с вынутой сим-картой и запущенным MP-3 плеером, оперся спиной на стену и просто ждал, слушая Егора Летова. Негромкая музыка лилась в мое ухо, время с тихим шуршанием часов в прихожей, шло вперед. За темным окном сквозь туманную пелену осеннего дождя тускло светились окна дома напротив.

Заказчик не подвел – информация оказалась верной. Спустя полтора часа уловил шум ключа, отпирающего замок. Поставил трек на паузу, вынул наушник из уха. Положил телефон в сумку и стал ждать. Зажегся свет в прихожей. Шум снимаемой одежды, легкий топот шагов в комнату, щелчок выключателя в комнате. Заработал телевизор. Потом шаги прошуршали ко мне. Щелок выключателя залил кухню холодным светом четырех светодиодных лампочек люстры. Изгиб стены не позволял сразу увидеть меня, и она прошла мимо. Даже успела щелкнуть, включая электрочайник, перед тем как ее мозг среагировал на пятно, замеченное периферическим зрением. Она развернулась и уставилась на меня. Пока мозг жертвы пытался стряхнуть с себя расслабленность и отдать какую-либо команду, я стремительно скользнул вперед. Отработанный щелчок правой рукой по затылку избавил меня от выслушивания истеричных криков и сберег сон соседей.

Усадил жертву на табурет. В себя она пришла почти сразу.

– Попытаешься кричать – будет больно, – сказал, зажав ладонью рот. Пока жертва еще не пришла в себя, главное сразу обозначить. – Попытаешься бежать – будет больно. Если поняла, кивни.

Дождавшись кивка, я освободил ее рот и уселся на соседний табурет.

– Значит так, завтра, точнее, судя по времени, сегодня, ты умрешь. Избежать этого ты не сумеешь, поэтому прими как есть. Многие люди живут с осознанием того, что когда-то умрут и мучаются в неизвестности. Ты этой неизвестности лишена.

Щелкнул выключившийся чайник. Я встал, не отпуская взглядом ее расширившихся зрачков, подхватил свою сумку и сел обратно. Из сумки на стол выставил пластиковую бутылку (разумная предосторожность) с виски.

– Твой любимый, – налил половину стакана и протянул. – Пей. Небольшая посылка из Ада.

Ее взгляд смог наконец-то оторваться от меня и сфокусироваться на бутылке. Как она правильно оценила, попытка ударить меня пластиковой бутылкой не имела никакого смысла.

– Паленый вискарь? – впервые открыла рот.

– Почему паленый? Настоящий. Надо же с уважением относиться к покойной.

– А в чем тогда прикол?

– Пей!

Выпила, посидела, прислушиваясь к ощущениям, и недоверчиво поставила стакан на стол.

– Почему я? – снова внимательно смотрела на меня.

– Вообще-то этот вопрос должен я задать. Если кто-то платит за смерть человека, то, как правило, сам человек в этом виноват. Подумай, пока у тебя есть время. Кому ты так насолила и в чем ты виновата. К людям, ведущим честную жизнь, я ни разу не приходил. Как правило, все виноваты в том или ином.

– Много времени у меня осталось?

– У всех по-разному, но часа полтора-два у тебя еще есть. Так что можешь напрячь память.

– А никак нельзя? – вопрос повис в воздухе.

– Нет. Нельзя. Аванс я уже взял, и отступать на этой стадии уже поздно.

– А если я заплачу больше?

– Зачем деньги покойнику? Да и уверена ли ты, что сможешь заплатить больше?

– Я могу дать не только деньги, – потянулась, демонстрируя крепкую грудь.

– Твое тело меня не интересует, – вновь налил виски и протянул стакан. – Пей.

– Ты что, пи... р?

– Почему сразу пи... р? Зачем эти оскорбления? Не за язык ли тебя заказали? Ты подумай, подумай. И хотя мне не важно, что ты обо мне думаешь, но я не гей.

– Тогда почему? – она осушила стакан.

– Я же не некрофил. И вообще ты не о том думаешь.

– У меня правда есть деньги, и я могу заплатить...

– Давай не будем переливать из пустого в порожнее. Мне твои деньги не нужны.

Она задумалась. Все они на этой стадии становятся задумчивыми. Далее следует две реакции: либо человек ломается и покорно принимает уготованную судьбу, либо поняв, что терять уже нечего пытается оказать сопротивление. Хотя иногда, встречаются и те, кто идет по третьему пути. Она оказалась из таких.

– Хорошо. Меня ты все равно убьешь. А я могу сделать заказ? – протянув руку, она налила себе виски и махом выпила.

– Можешь. Вот только кого ты хочешь заказать?

– Того, кто заказал меня.

– Хорошо хоть не его святейшество Папу римского. Я не знаю, кто тебя заказал. Заказ и оплата идет через посредников.

– А если спросить у посредника?

– А если спросить у посредника, то вскоре ко мне кто-то также придет, как я к тебе. Так что думай сама, кому именно ты насолила.

Она погрузилась в угрюмое молчание, время от времени жалобно глядя на меня. Часы в наступившей тишине, разбавляемой лишь бормотанием телевизора в комнате, все также отсчитывали убегающие минуты ее жизни.

– Деньги... те, которые у меня... Я шантажировала губернатора. Узнала, что он...

– Мне этого не надо знать, – поднял руку ладонью вперед в запрещающем жесте. – Шантаж никого еще до добра не довел. Много ты из него вытянула?

– Десять штук...

- Собиралась продолжать?
- Нет, я вся материалы ему отдала.
- Хм... Десять штук не такая уж большая сумма, чтобы тебя заказывать. Думай еще. Она задумалась. Через какое-то время нерешительно произнесла:
- Да больше вроде, как и не за что. Я больше ничего и не сделала. Теперь задумался я, взяв ее за руку.
- Ничего не сделала? А как же младшая сестра?
- Недоуменно посмотрела на меня, а потом, осознав, начала плакать.
- Я ни хотела! Правда! Это случайно произошло! Несчастный случай!
- Случай, может быть, был и несчастным, но в душе ты была рада, когда она погибла. Так?
- Она больна была! Она мучилась сильно!
- Вот видишь? Значит, когда погибла больная сестра, ты считаешь, что ей стало легче. Значит, и тебе после смерти станет легче. Чего бояться-то?
- Я не хочу умирать!
- Никто не хотел умирать, как сказал классик. От твоего желания больше ничего не зависит.
- Вновь наступила тишина. Она беззвучно плакала, я смотрел на текущие по оконному стеклу струи дождя, часы в прихожей монотонно уменьшали отведенное ей время.
- Значит, это за сестру? – не выдержала.
- В принципе, сестры бы хватило за глаза, – согласился я. – Но ведь смерти сестры и мать не перенесла? Так?
- Да, почти сразу умерла после похорон.
- Вот видишь, косвенно ты виновата еще в одной смерти. А это повесомее шантажа. Уж мне поверь. На том свете тебе за это придется отвечать гораздо строже.
- А тебе? Тебе не придется за мое убийство отвечать?
- Мне? Я лишь инструмент. Как отвертка или нож. Разве кто-то заставляет отвечать нож за то, что тот режет не только колбасу и овощи, но и людей? Нет.
- Ты же не нож!
- Это не имеет значение. Тебе сейчас должно быть не до философии и не до анализа моих поступков. Так кто еще мог заказать тебя?
- Отец? – неуверенно то ли спросила, то ли сказала.
- Отец? Хм... – задумался. – Да, похоже, так и есть. Он же с вами не жил. Да?
- Да. После того как выяснилось, что сестра больна, он развелся с матерью и жил в половине нашего старого дома.
- Вот и мотив. Папеньке надоело ютиться в хибаре, и он решил перебраться в квартиру. Твою.
- Неужели, он мог заказать родную дочь из-за какой-то квартиры? – на ее лице было написано искренне изумление. – Отец?
- Знаешь, это еще не самый незначительный повод, из-за которого люди убивают друг друга.
- И ты хочешь, чтобы я заказала собственного отца?
- Мне, если честно, без разницы. Тут важнее хочешь ли ты этого сама. Только подумай хорошо. Тебе и так уже отвечать за две смерти. От твоего выбора многое зависит.
- За окном постепенно начинало светать. Ее глаза начинала затягивать поначалу незаметная пленка, отделяющая мертвых от живых. Она смотрела уже сквозь меня и, казалось, прислушивалась к чему-то.
- Деньги в холодильнике. В упаковке из-под пельменей, – внезапно произнесла она. – Только пускай он не мучается.

– Хорошо. Передавай там привет, – я вновь взял ее руку, наблюдая, как гаснет в ее глазах жизнь.

– Люди все-таки остаются людьми, – вслух подумал я. – Приняв смерть от моей руки, ты, хотя и явилась причиной смерти сестры и матери, могла бы рассчитывать на определенное снисхождение. Может быть, ТАМ бы тебе и простилось. Но выбор сделан. Ты отяготила свою душу еще одной смертью. И, между прочим, совершенно напрасно – твоего отца я бы и так навестил. Убивать своих детей не хорошо.

Тело, покинутое душой, рухнуло на пол, а я все также продолжал держать ее холодную, липкую руку. Наконец отпустил, встал. Вынул из сумки ополовиненную бутылку виски и поставил на стол. Пластиковую убрал в сумку. Достал из холодильника упаковку из-подпельменей. Проверил. Внутри лежали пять перетянутых аптекарскими резинками пачек. Этакая посылка с того света. Точнее, из Ада, учитывая нынешнее место нахождения «отправителя».

В квартирах начинали звонить будильники, включаться телевизоры, журчать унитазы и водопроводные краны в ваннных комнатах. Покинул квартиру. Замок защелкнулся за мной. Я спустился по лестнице. Небрежно кивнул, совершенно не обратившему на меня внимания, консьержу. Этому краснолицему крепышу еще рано меня замечать. Вот когда он решит, что теща слишком уж зажилась на свете, тогда мы с ним и познакомимся поближе. Вышел на улицу. Серый холст утра, подготовленный дождем, на котором кисть солнечных лучей засверкала тысячей радуг, распахнулся мне навстречу.

Впереди ждал еще один день и новая цель. Убивать своих детей нехорошо. Не так ли?

Волк и ягненок

Рассказ выставлялся на Литературный турнир реализма сайта «Бумажный слон»

– А может и из тебя какие-нибудь органы взять можно? – фигура в белом халате медленно приближалась ко мне. – Как говорится, с бешеной овцы хоть шерсти клок.

– Не-е-е-е-т!

– Кричи, не кричи – тут никто не услышит. А если и услышат, то никто не будет лезть не в свое дело, – он, приблизившись, задумчиво рассматривал меня, поигрывая скальпелем. – Твой брат тоже так кричал, и что помогло это ему?

– Так это вы его? – на миг забыв про страх за собственную жизнь, спросил я.

– Ну а кто же еще? Больше хирурга тут нет, – улыбнулся. – Ты не переживай, это дело-то житейское, как Карлсон верно говорил. Кто-то платит за органы, а кто-то умирает. Естественный круговорот жизни и смерти. Смотри на это проще – все равно, все рано или поздно там будем. А так чик, чик и отмучился.

– А может, я жить хочу!

– Да какая у тебя может быть жизнь? В лучшем случае, возьмут в приемную семью и будут издеваться и насиловать. А то и тоже на органы продадут, – положил скальпель на кушетку, достал пачку иностранных сигарет и зажигалку, не спеша прикурил.

– А если не возьмут?

– Если не возьмут, то выпустишься из детдома и попадешь в тюрьму.

– Почему попаду? Не попаду я!

– Половина всех детдомовцев попадает. Как не крути, а тюрьма прямая продолжательница приюта. А если не попадешь, то значит сопьешься. Загнешься под забором от метилового спирта. Еще и мучиться будешь, ослепнешь. Или наркоманом станешь и шприц с «черняшкой» будет твоей единственной отрадой. Давай так, – с наслаждением затянулся, – ты не брыкаешься, а я тебе укол обезболивающий сделаю. Согласен?

– Согласен, – покорно произнес я, – делайте укол.

– Вот и молодец.

– А брату вы тоже укол делали? – наклонившись вперед, я сильно прижал друг к другу локти и предплечья.

– Делал, – расслабившись, отвернулся и стряхнул пепел в кружку.

Подняв сжатые руки над головой и одним движением, в которое вложил все свои силы, опустил их вниз и в стороны. Он еще только начал разворачиваться на треск разорванного скотча, а я уже прыгнул к нему. С силой врезался головой в подбородок, опрокидывая его на кушетку, и вцепился зубами в кадык. Зубы у меня не то чтобы очень крепкие, но ему многого и не надо было. Пока он слепо шарил руками вокруг, пытаясь найти скальпель, я, не обращая внимания на хлещущую в лицо кровь, рвал его горло, по-собачьи растаскивая движениями из стороны в сторону, и ногтями терзал ненавистное лицо. Холодный металл скользнул по левому боку, и я проснулся. Во рту все еще ощущался медный привкус горячей крови. Не люблю сны. Особенно когда снится прошлое.

Волк.

Район тут был непуганый, во всяком случае, я раньше тут не промышлял. Да и если судить из доступной криминальной хроники, то ничего особого тут не происходило. Кражи, пьяные драки, семейные ссоры – тишь да гладь. А это значит, что местные правоохранители расслаблены на фоне пасторального пейзажа. Ничего, скоро все изменится. Очень скоро. Я не спеша ехал по федеральной трассе, любуясь окружающими красотами природы. Слева показалась боковая дорога.

Взгляд, безразлично скользнув по ней, вдруг зацепился о фигурку стоящего на остановке мальчика. «Вот и ягненокчик нарисовался», – подумал я, включил поворотник, пропустил встречную и свернул влево. Ого, да он еще и тормозит меня! Просто отлично, значит, не придется уговаривать сесть в салон.

Ягненок.

Я стоял на остановке и ждал попутную машину. Школьный автобус должен был приехать только после обеда, а топать домой до деревни двадцать километров особого желания не было, поэтому я просто стоял и ждал, играя складным ножом. Остановка была расположена метрах в ста от большой трассы, и оставалось только завидовать тому, сколько машин по ней едет. На нашу дорогу никто не сворачивал. Вдруг справа неспешно выехала легковая машина. Включился поворотник, водитель пропустил встречную и свернул к нам. Иномарка была чужой, но все равно неплохо – если не повезет и едет не в нашу деревню, то хоть до развилки на Буково довезет, а это почти половина пути. Оттуда можно и ножками дотопать. Я спрятал нож в карман и поднял правую руку. Машина остановилась. Я открыл переднюю дверь.

– Здравствуйте, вы куда едете?

– А тебе куда?

– Мне в Татово.

– В Татово? – уточнил водитель.

– Да, там по трассе, двадцать километров, – показал рукой.

– Нет, мне не туда...

– Вам, наверное, в Буково?

– Ну...

– До развилки довезете?

– Конечно, садись!

Я сел в машину. Иномарка плавно тронулась с места.

Волк.

Да, народец тут совсем не пуганный. Хотя, казалось бы, после того, какого шороху я наделал в соседней области, дети могли бы быть и более осмотрительными. Интересно, где это Буково, а то вдруг так и привезу его туда.

– Скажи, а до Буково далеко? – искоса рассматривая пацана, поинтересовался я.

– А вы не знаете? – удивился.

– Да я там не был ни разу. К другу еду, армейскому.

– Тут через десять километров будет развилка. Направо на Буково дорога, там еще километра четыре, а налево к нам.

– Спасибо. А ты почему не в школе? – небрежным голосом поинтересовался я. Надо же знать, сколько у меня в запасе будет времени, пока этого барашка хватятся.

– Да у нас два урока отменили, а автобус школьный только после обеда будет. Вот решил, может на попутке уехать.

«Отлично», – подумал я. Несколько часов в запасе у меня имеется, пока заметят, что ребенок не вернулся домой. Можно будет свернуть на этой развилке и завезти в какой-нибудь лесок, а там всласть наиграться. Мальчик-то ладненький...

Ягненок.

Взгляд у мужика какой-то нехороший... И про школу интересуется. А зачем ему? Просто из вежливости или нет? Пришлось соврать, не говорить же, что с уроков удрал. Интересно, к кому он в Буково едет?

– А как вашего друга зовут, который в Буково живет?

- Игнатьев. А что? Знаешь такого?
- Игнатьев? Это который? Иван Сергеевич?

Волк.

«Любопытный какой, к кому да зачем.»

– А как вашего друга зовут, который в Буково?

– Игнатьев, а что? Знаешь такого?

– Игнатьев? – надо же, ткнул пальцем в небо и угадал.

– Это который Иван Сергеевич? – вот же любопытный какой. Это хорошо, люблю таких...

Иван Сергеевич, да или нет, вот в чем вопрос? Что бы ответить? А вдруг барашек не так прост, как кажется? Ладно, попробую.

Ягненок.

– Игнатьев, а что? Знаешь такого? – а дядя гонит, подумал я. Никаких Игнатьевых там отродясь не было и быть не может. Хорошо, проверим еще: – Это который? Иван Сергеевич?

– Нет, Иван Сергеевич то отец его. А мой друг Николай.

– Иванович? – дядя молодец, уверенно держится.

– Конечно, Иванович, – рассмеялся он. – Не Тимофеевич же он будет, если отца Иваном зовут.

Машина подъехала к развилке.

– Вы меня тут высадите, я дальше пешком. Спасибо что подвезли.

Волк.

Машина подъехала к развилке.

– Вы меня тут высадите, я дальше пешком, – сказал он. – Спасибо что подвезли.

– Сейчас, чуть проеду, а то на горке нельзя останавливаться, – спокойно ответил я, левой рукой нащупывая в кармане баллончик с газом. – Метров тридцать скачусь и высажу.

Сейчас чуть спущусь, приторможу, прысну барашку в глаза, стукну по голове (резиновая киянка лежит у меня под сиденьем), сверну вот в тот лесок и там не торопясь упакую мою новую игрушку в скотч. Потом его в багажник, а сам спокойно вернусь на трассу и поеду дальше. Пока его хватятся, я уже буду в соседней области. Там его никто искать не станет...

Ягненок.

– Сейчас, чуть проеду, а то на горке нельзя останавливаться, – отвечает он, а сам что-то в кармане рукой заерзал. Подозрительно как-то...

– Метров тридцать скачусь и высажу, – говорит, а у самого глаза каким-то нездоровым светом горят. Нехороший какой-то дядя. Я натренированным движением разложил нож в кармане. Надо подождать, пока притормозит. Если выпустит из машины, то пускай едет с Богом. А если попробует какое-то резкое движение сделать...

Волк.

Пора! Торможу, бросаю руль, делаю рывок к нему, хватаю правой рукой за воротник, вытаскивая левой баллончик...

Ягненок.

Он затормозил и вдруг резко бросился ко мне, хватая за воротник. Я не стал сопротивляться, а резко подался навстречу, выбрасывая вперед руку с ножом. Хорошо пришло, прямо в горло. Рванув руку вбок-вправо, чтобы окончательно вспороть горло, я откатнулся назад, вырываясь из ослабшего захвата, и, открыв дверцу, вывалился из машины. Пускай кровь

схлынет, а то неохота одежду лишний раз стирать. Благо, стекла тонированные и случайный водитель не рассмотрит, что в салоне происходит. Хотя тут случайных водителей не бывает – Буково уже лет десять как заброшено.

Я упал на колени, закрыл глаза и начал молиться Господу с просьбой простить меня, если я ошибся и убил невиновного человека. Молитву нарушил сначала щелчок открываемой двери, а потом шум открываемого багажника.

– Вставай, не время для намаза. Все нормально, – это Алексей, наш старший.

– Точно? – не поворачивая головы, спросил я.

– Точно. Под сиденьем киянка, под ногами валяется баллончик, в багажнике полиэтилен и скотч. Ты опять угадал.

– Ничего я не угадывал, – вставая с колен, ответил я, – это Бог меня направляет.

– Возможно, – он положил автомат на асфальт и расстилал возле открытой водительской двери пленку, взятую из багажника. – А может Бог их к тебе посылает. Или ты просто выдумал сам себе оправдание, а никакого Бога нет.

– Зачем мне оправдания? Одним черным человеком стало меньше – невелика потеря. А Бог есть.

– Многие шизофреники с тобой бы согласились.

– Шизофреники голоса слышат, а я – нет.

– Ладно, хватит рассуждать. Помоги упаковать, а то, не ровен час, принесет нелегкая кого.

Вдвоем мы вытащили тело и замотали в пленку, обмотав поверх скотчем. Бывший владелец автомобиля переключался в багажник.

– Тяжелый скотина, – пожаловался Алексей, засыпая пылью следы крови на дороге. – И как ты его только завалил?

– Неожиданность, – стеля на сидение кусок пленки, ответил я. – Они думают, что охотники и им даже в голову не приходит, что кто-то может охотиться на них самих. Веник не забыл?

– Нет. Постели на водительское сиденье, а я пока подмету, – он начал аккуратно сметать размокшую от крови пыль на кусок полиэтилена.

Забросив сверток с пылью в багажник на труп маньяка, Алексей сел за руль и отъехал на несколько метров. Мы вышли из машины и внимательно, боясь упустить какую-либо мелочь, осмотрели место, где она стояла раньше.

– Все чисто, – довольно сказал он. – Поехали.

– Поехали, вроде как к дождю дело идет. Еще и дождь за нами приберется, – согласился я, забираясь в машину.

Машина плавно тронулась и поехала по направлению к заброшенному Букову, где уже два года жила наша небольшая компания. Я, еще трое подростков и девчонка – бывшие воспитанники, сбежавшие из детдома во время пожара, и Алексей – дезертир, расстрелявший караул. Я думал над словами Алексея о том, что это Бог присылает мне убийц детей. По-другому объяснить то, что за два года это был уже третий урод, попавшийся мне на этой трассе, было трудно. Жалко, что те черные люди без лиц, снящиеся мне по ночам, которые купили внутренние органы моего младшего брата, тут мне вряд ли попадутся. Хотя, на все воля Божия...

Зеркала

Рассказ занял третье место в группе во втором туре VII чемпионата прозаиков Лит-Культы

Дед со стороны матери был странный. Во всяком случае, я так думал. До самой его смерти. Видел его редко, особенно в последние годы, но одну из странностей запомнил.

– Из зеркал кто-то наблюдает за нами, – закуривая самодельную папиросу с трубочным табаком, говорил он.

– Кто?

– Точно не знаю, но что-то там есть, – косился в сторону ванной комнаты.

Там висело единственное в его квартире зеркало. А квартира была не из дешевых.

– Что там может быть, кроме слоя амальгамы и фанерки?

– Многого ты еще не понимаешь, а споришь. Придет время, поймешь мою правоту, – потирая чисто выбритый подбородок, сказал. Только из-за бритья он зеркало и терпел.

Время пришло гораздо раньше, чем хотелось. Через полгода из Москвы позвонила двоюродная тетка Татьяна и сообщила, что дед погиб. На похороны у меня попасть не получилось, но, по словам матери, хоронили в закрытом гробу. Слишком сильно было посечено лицо осколками лопнувшего зеркала. Официальная версия произошедшего звучала как несчастный случай. Дед брился, по какой-то причине лопнуло зеркало, поранив осколками, и он истек кровью. Мать разговаривала с патологоанатомом, и тот сказал, что шансов у деда не было – осколки рассекли сонные артерии.

Позвонила тетка и сообщила, что кто-то проник в квартиру деда. Пропала большая часть его бумаг.

– Поезжай и поживи там, – решила мать. – Ключи возьмешь у Татьяны. Пока суд да дело присмотришь за квартирой. Вступишь в права наследования, продашь ее и вернешься. А то оставайся там жить, а?

– Не люблю я столицу. Шумный город и суетливый. Лучше продам и дело с концом, – жизнь в Москве меня не прельщала, но если не продешевить с продажей, то вполне можно прикупить себе домик где-нибудь в нашей глуши и еще останется на жизнь.

– Ты хозяин, тебе и решать.

– Вот только библиотеку его жалко. Что с книгами делать?

– Ничего, на месте разберешься.

Я стоял и мрачно думал, глядя на дощечку, оставшуюся от зеркала и свое ломанное отражение в паре осколков, застрявших в оправе. Получается, дед был в чем-то прав? Или случайное совпадение? Или вообще на старости лет решил воплотить в жизнь дикую фантазию и заигрался? Выйдя из ванной комнаты, прошелся по квартире.

«Интересно, кому понадобились бумаги покойного?» – подумал я. В происки иностранных разведок, решивших завладеть архивом советского физика, верилось с трудом. Скорее уж бессовестные мародеры, прознав о постигшем хозяина несчастье, решили чем-нибудь поживиться. Прошел на кухню, не включая свет, открыл холодильник, достал привезенную с собой бутылку водки. Порезал лежавшую на столе буханку хлеба, которую тоже привез с собой. В навесном шкафчике над мойкой отыскал две рюмки. Налил одну себе, а вторую накрыл куском хлеба.

– Земля пухом, – одним махом выпил. По пищеводу ухнул сгусток жидкого огня. Редкая гадость, но что делать? Не поминать же покойного вином? Посидел, прислушиваясь к ощущение-

ниям и впитывая запах табака. Задумчиво пожевал корочку и решил повторить. Налил в рюмку и тут раздался звонок в дверь. Интересно, кого нелегкая принесла в квартиру, жилец которой уже почти полгода лежит в земле? Стараясь не шуметь, подошел к входной двери. Заглянул в глазок. За дверью стоял какой-то мужчина. Подробностей было не разглядеть из-за мутного глазка.

– Откройте, полиция! – словно почувствовав меня за толстой дверью, сказал он.

– А документы имеются?

– Вот, – к глазку прижалась какая-то «корочка».

Понятно, что разглядеть ее было невозможно. На всякий случай переложив складной нож из кармана висевшей на вешалке ветровки в карман джинсов, я приоткрыл дверь. А напрасно.

– Что вы хотели? – только и успел спросить, когда мощной толчок втолкнул меня в прихожую.

Я отлетел от двери, в которую тотчас кинулись чьи-то фигуры. Недолго думая, выхватил нож и зарядил ближайшему. Удар у меня поставлен и до того, как что-то с шорохом прилетело мне в голову, я успел увидеть, как он складывается пополам и, прижав руки к животу, падает на пол. Потом я вырубился.

Очнулся уже зимой. Пахло приближающейся весной и свежим конским навозом. Навоз был как-то ближе чем весна. Я приподнял покачивающуюся голову от поверхности и понял, что покачивается поверхность, а не голова. Какое-то время бездумно смотрел на пару параллельных прямых, уходящих в снежную даль. Санный след. Повернул голову и наткнулся на внимательный взгляд. Мужик в ушанке, валенках и полушубке не мигая смотрел на меня. После того, как я увидел висящий на его груди ППШ, красной ленте на ушанке я уже не удивился. Вот так и сходят с ума, понял я. Приезжаешь в разгар майской жары в Москву, а приходишь в себя в покрытых лапником санях с партизанами.

– Очухался?

– Приблизительно.

– Слышь, Михась, а клиент-то созрел, – повернулся он к вознице.

– Еще бы не созреть. Плюс два всего. После лета всяко мозги прочистит, – отозвался тот, раскуривая самокрутку. Пахнуло знакомым дымом дедушкиного табака.

– Здоров ты ножом махать, – уважительно продолжал человек в ушанке. – Ежели бы не броник, то я бы прямо там и кони двинул.

– Жалко, что не двинули.

– Злой ты.

– А вы добрый, в чужую квартиру врываться?

– Я же не просто так, а по делу.

– Мародерствовать?

– Нет. Тут такое дело, впрочем, сейчас сам увидишь.

Сани бодро подкатили к заснеженным развалинам деревушки.

– Но, но, пру, – лениво командовал возница.

Стали возле полуразрушенного кирпичного дома с деревянной пристройкой, зияющей пустыми окнами.

– Пошли, – мужик в ушанке легко соскочил и поманил за собой.

Я спрыгнул с саней и пошел следом. Вблизи стало видно, что зияющие окна – это бутафория. Он приподнял маскировочную сетку, приоткрыл покосившуюся дверь и шмыгнул в нее. Я пролез следом. Внутри помещение имело вид обжитый. Ряд набитых чем-то мешков, создающих стены, электрообогреватели. Трое мужчин в наушниках, сидящих возле столов, заставленных какой-то аппаратурой и смотрящих на стену. Там шло представление. Возникали квад-

раты разного размера, круги с изображением и неспешно, как заставка на экране компьютера плавали по стене. Люди, какие-то комнаты, что-то еще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.